

Къ исторіи духоборчества и молоканства.

Когда свѣтская власть, подъ вліяніемъ разнаго рода обстоятельствъ, пришла (въ 1863 г.) къ мысли о необходимости дарованія сектантамъ и раскольникамъ гражданскихъ и религіозныхъ правъ болѣе широкихъ, чѣмъ какими они пользовались прежде, она не только не думала при этомъ отступать отъ того основнаго начала, которымъ руководствовалась въ своихъ отношеніяхъ къ заблуждающимъ во все время царствованія императора Николая и по которому всѣ существующія въ Россіи секты и толки раскольническіе были раздѣлены на два разряда: на болѣе и менѣе вредныя, но напротивъ вопросъ о болѣе точной и правильной классификаціи сектъ считала однимъ изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ. Во всеподданнѣйшей докладной запискѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, представленной на высочайшее государственнаго императора благоусмотрѣніе 4-го октября 1863 года, въ которой излагался проектъ законодательной реформы по расколу, мы читаемъ слѣдующее: „пересмотрѣть нынѣшнюю классификацію сектъ и распредѣлить оныя на болѣе и менѣе вредныя по тѣмъ главнымъ отличительнымъ признакамъ молитвы за царя и признанія брачнаго союза, которые, при всей затруднительности точнаго въ нихъ удостовѣренія, не могутъ быть замѣнены никакими другими, потому что монархическое начало составляетъ коренное основаніе нашего государственнаго быта, а брачный союзъ коренное условіе всякаго гражданского устройства“¹⁾. А высочайше учреж-

¹⁾ «Христ. Чтен.» 1886 г. № 3—4, стр. 480.

«Христ. Чтен.» № 9—10, 1886 г.

денный 6-го февраля 1864 года для разсмотрѣнія означеннаго проекта особый временный комитетъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ мысли министра внутреннихъ дѣлъ о раздѣленіи всѣхъ сектъ и толковъ раскольническихъ на болѣе и менѣе вредныя—съ тѣмъ, чтобы главною разграничительною чертою между ними были признаки молитвы за царя и признанія брачнаго союза въ смыслѣ не срочнаго, а постоянного сопряженія, не только признавъ „наиболѣе соотвѣтствующую“ предполагаемой реформѣ, но даже, вслѣдствіе возбужденнаго сомнѣнія относительно достаточности этихъ двухъ признаковъ, счелъ необходимымъ вопросъ объ этомъ предметѣ передать на обсужденіе оберъ-прокурора Св. Синода и затѣмъ, согласно съ его отзывомъ, къ указаннымъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ признакамъ вредности сектъ рѣшилъ присоединить нѣсколько другихъ, совокупность которыхъ обнимала бы отношеніе сектанства и раскола не только къ государству, но и къ вѣроученію св. церкви. Въ силу такого взгляда на дѣло, комитетъ окончательно постановилъ считать болѣе вредными не только тѣхъ заблуждающихся, которые отвергаютъ молитву за царя и бракъ, или допускаютъ только срочные или временные супружескіе союзы, но и тѣхъ, которые не признаютъ пришествія въ міръ Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа, не признаютъ никакихъ таинствъ и никакой власти богопоставленной, допускаютъ, при наружномъ общеніи съ церковію, челоуѣкообожаніе и, наконецъ, посягаютъ на оскотленіе себя и другихъ на основаніи богохульнаго ученія ¹⁾. А это значило, что, по мысли комитета, къ болѣе вреднымъ сектантамъ должны быть относимы не только раскольники-безпоповцы, отвергающіе бракъ и молитву за царя, но и сектанты мистическаго и раціоналистическаго направленія: скопцы, хлысты, духоборцы, молокане и другіе, какъ это было и въ царствованіе императора Николая. 16-го августа того же 1864 года государю императору благоугодно было утвердить окончательныя заключенія

¹⁾ Тамъ же, стр. 487.

комитета, но съ тѣмъ, чтобы общегражданскія права, которыя комитетъ предполагилъ даровать заблуждающимъ, „были относимы только къ раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ именно упоминается въ заключеніяхъ комитета объ оти́вѣ ограниченій, существующихъ для раскольниковъ сектъ болѣе вредныхъ“ ¹⁾).

Послѣ всего сказаннаго понятно, что г. Мельникову, который, въ качествѣ эксперта, былъ приглашенъ въ учрежденную въ началѣ 1875 года при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссію для всесторонняго обсужденія и разработки высочайше утвержденныхъ 16-го августа 1864 года предначертаній особаго временнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ и отъ котораго, какъ „спеціалиста по части раскола“, комиссія въ лицѣ ея предсѣдателя стасъ-секретаря князя Лобанова-Ростовскаго „признавала полезнымъ, для исполненія возложеннаго на нее дѣла, получить нѣкоторыя свѣденія въ особенноти касательно классификаціи раскольниковыхъ сектъ“ ²⁾, необходимо было вести рѣчь не объ однихъ едосѣвцахъ и другихъ раскольникахъ-безпоповцахъ, отвергающихъ молитву за царя и бракъ ³⁾, но и о скопцахъ, хлыстахъ, духовборцахъ, молоканахъ и другихъ сектаптахъ мистическаго и раціоналистическаго направленія, которые по указаннымъ комитетомъ признакамъ также должны были считаться сектами болѣе вредными и на которыхъ поэтому проектированны комитетомъ льготы не могли распространяться. И дѣйствительно, авторъ „писемъ о расколѣ“, какъ видно изъ поданной имъ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву ⁴⁾ и напечатанной въ іюльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за прошлый годъ записки, счелъ долгомъ и объ указанныхъ сектаптахъ сообщить комиссіи не мало

¹⁾ Тамъ же, № 5—6, стр. 731.

²⁾ „Историческій Вѣстникъ“, 1884 г., декабрь, стр. 572.

³⁾ На сколько вѣрны сообщенныя комиссіи г. Мельниковымъ свѣденія по этому предмету, подробная рѣчь объ этомъ была въ „Церковн. Вѣстн.“ за 1886 г. №№ 1—3, 5—6, 18—20.

⁴⁾ „Историч. Вѣстн.“ 1884 г. дек. стр. 573.

свѣденій, по—такихъ, которыя не легко признать справедливыми. Соглашаясь, что секты и хлысты, какъ отрицающіе бракъ, должны быть относимы къ числу сектъ болѣе вредныхъ (стр. 52—54), г. Мельниковъ настойчиво доказывалъ комиссіи, что духоборцы и молокане должны быть отнесены къ числу сектъ менѣе вредныхъ ¹⁾.

¹⁾ Читатель можетъ пожалуй спросить, нужно ли возбуждать и обсуждать вопросъ о раздѣленіи существующихъ у насъ сектъ и толковъ раскольниковъ на болѣе и менѣе вредныя—послѣ того, какъ законъ 3 мая 1883 года «о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ», на который справедливо слѣдуетъ смотрѣть, какъ на окончательную редакцію высочайше утвержденныхъ 16 августа 1864 года заключеній особаго временнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ, даже не упомянулъ объ немъ. Почему указанный законъ обошелъ вопросъ о раздѣленіи сектъ и толковъ раскольниковъ на болѣе и менѣе вредныя,—потому ли, что правильное рѣшеніе этого вопроса, запутаннаго г. Мельниковымъ, а за нимъ—и комиссіею 1875 года, было затруднительно, потому ли, что оффиціальное признаніе сектъ болѣе и менѣе вредными казалось неудобнымъ «съ точки зрѣнія общагогражданскаго законодательства», въ которомъ говорится (Св. зак. т. XIV, ст. 6), что раскольники не преслѣдуются за ихъ вѣрованія, или наконецъ — потому, что «обозначеніе сектъ въ текстѣ закона подъ ихъ собственными наименованіями» было бы съ одной стороны признаніемъ ихъ, а съ другой «громко свидѣтельствовало бы о религіозномъ разъединеніи въ нашихъ народныхъ массахъ». («Христ. Чтен.» 1886 г. № 3—4, стр. 175—6), — мы не знаемъ; но намъ думается, что и въ настоящее время вопросъ объ отношеніи той или другой секты или толка раскольниковъ къ государству и къ вѣроученію св. церкви не безразличенъ для власти. 12-й § майскаго закона гласитъ, что «въ тѣхъ случаяхъ, когда на основаніи стт. 3, 4, 7 и 8 (которыя дозволяютъ заблуждающимъ вступать въ инокопные цехи, занимать общественныя должности, распечатывать молитвенныя зданія и обращаться для общественнаго богомоленія существующія строенія) настоящаго узаконенія требуется разрѣшеніе или утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ, онъ дѣлаетъ надлежащія относительно раскольниковъ распоряженія, сообразуясь какъ съ мѣстными условіями и обстоятельствами, такъ равно съ нравственнымъ характеромъ ученія и другими свойствами каждой секты». А между тѣмъ, какъ оказывается, департаментъ общихъ дѣлъ не обладаетъ достаточными по этому предмету свѣденіями («Русск. Старина», 1884 г. мартъ, стр. 642; апрѣль, стр. 150). И сами заблуждающіе, которые нерѣдко являютъ взгляды на нихъ правительства лучше, чѣмъ многіе православные, не посвященные въ канцелярскія тайны, доселѣ убѣждены, что, не смотря на отсутствіе въ законѣ 3-го мая классификаціи сектъ и толковъ раскольниковъ, не всѣ они могутъ пользоваться одинаковымъ вниманіемъ власти. Въ 1884 году одинъ изъ едосѣвскихъ наставни-

„О духовоборцахъ и молоканахъ, читаемъ мы въ запискѣ г. Мельникова, въ синодальной классификаціи сказано: „никакой власти не признають, покоряются только поколику нельзя противиться“ ¹⁾. Это несправедливо. Они вѣрны монархическому на-

ковъ посада Сольды, псковской губерніи рѣшился ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи на открытіе «подъ его фирмой» моленной. Не находя среди своихъ «овецъ» людей опытныхъ, которые могли бы дать ему полезный совѣтъ, какъ успѣшнѣе достигнуть цѣли, Мосягинъ отправился въ Петербургъ и Москву, гдѣ не мало Шibaевыхъ, Егоровыхъ и другихъ искусныхъ «ходатаевъ» предъ властію за «древле-православныхъ христіанъ». По возвращеніи въ Сольды, Мосягинъ составилъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ прошеніе, обошелъ съ нимъ всѣхъ своихъ прихожанъ, прося ихъ приложить къ прошенію свои руки, и въ началѣ 1885 года послалъ прошеніе въ Петербургъ. Но такъ какъ въ Сольцахъ кромѣ Мосягина есть еще нѣсколько другихъ наставниковъ, являющихъ свои паствы и преслѣдующихъ свои интересы, то неудивительно, что затѣя его, какъ она ни была ведена тайно, огласилась; начались между солдцкими едосѣвцами толки и разспросы, послѣ которыхъ оказалось, что Мосягинъ назвалъ въ прошеніи своихъ пасомыхъ не едосѣвцами, а старо-поморцами. На вопросъ: почему онъ такъ поступилъ, наученный опытными людьми Петербурга и Москвы старецъ отвѣчалъ: «это написано для того только, чтобы власть лучше обратила вниманіе на прошеніе, такъ мы и люди опытные по симъ дѣламъ говорили, что власть скорѣе разрѣшаетъ открытіе моленныхъ поморцамъ, чѣмъ едосѣвцамъ безбрачными»; а когда Мосягина спросили, почему онъ назвалъ въ прошеніи свою «вѣру» не приио-поморскою, а старо-поморскою, онъ отвѣчалъ слѣдующее: «это пригодно будетъ только на такой крайній случай, если послѣ того, какъ разрѣшить намъ отырыть моленную, будутъ ревизовать, почему мы, зависавшіе поморцами, опять-таки отвергаемъ браки; на это мы имъ скажемъ вотъ что: мы де не писали «поморская брачная», но мы писали въ прошеніи «старо-поморская» вѣра; начальникъ же оной старо-поморской вѣры былъ приснопамятный Данило Викуличъ, браковъ онъ не принималъ, а также и моленія за царя; вотъ мы тѣмъ его времячкомъ и хотимъ подышать». Глубоко справедливо послѣ этого замѣчаніе «ревнителя православія», сообщившаго эти свѣденія издателю «Истины», что раскольники «привыкли ходить къ властямъ путемъ обмана» (книг. 101, сент. и окт. 1885 г. мессіон. свѣд. стр. 41—46), о чемъ обстоятельно было говорено въ 19 и 20 №№ «Церковн. Вѣстника» за настоящій годъ.

¹⁾ Въ синодальной классификаціи 1842 г., которую имѣлъ въ виду г. Мельниковъ (стр. 42), было сказано о молоканахъ и духовоборцахъ слѣдующее: «не принимая присяги, не уважають вѣрности, и никакой власти не признають богопоставленную; повинуются только поколику нельзя противиться. Сента разрушительная» (Собран. постановл. по части раскола, 1858 г. стр. 409).

чалу, они признають верховную власть государя императора и поставляемыя имъ начальства* (стр. 44). Какъ ни пріятно было бы каждому русскому согласиться въ этомъ случаѣ съ авторомъ „писемъ о расколѣ“, тѣмъ не менѣе мы не можемъ этого сдѣлать въ виду нижеслѣдующихъ данныхъ.

Въ именномъ высочайшемъ указѣ, данномъ правительствующему сенату отъ 28 августа 1799 года, изображено: „по случаю открывшейся нынѣ въ новороссійской губерніи духоборческой ереси, издавна въ Россіи уны и сердца развращающей, и противу коей при началѣ царства нашего, слѣдуя челоуѣколюбію, употребили мы наикротчайшія мѣры, надѣясь, что та гнусная секта возчувствуетъ наше отеческое къ ней снисхожденіе и на путь истинный разсудка, чести и вѣры обратится, видя по существованію еще оной, сколь участники ея суть нашей пощадны недостойны, повелѣваемъ сенату нашему: согласно съ представленіемъ новороссійскаго гражданскаго губернатора Селецкаго, всѣхъ изобличенныхъ въ ереси духоборческой, числомъ 31 челоуѣка, отослать въ Екатеринбургъ вѣчно къ разработкѣ рудниковъ, держа ихъ всѣхъ скованными и употребляя въ наитягчайшія работы, дабы сіи *духоборцы, отвергающіе вышнюю власть на землѣ, предъломъ Божіимъ постановленную*, возчувствовали чрезъ сію, какъ слѣдуетъ, то, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленныя на твердую защиту добрымъ, злымъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе“ ¹⁾. Изъ этого указа г. Мельниковъ могъ бы

¹⁾ Полн. собр. Зак. т. XXV, № 19,097; Собр. постановл. по части раскола, 1860 г. кн. I, стр. 772. А между тѣмъ сенаторъ Лопухинъ въ доведеніи своемъ (отъ 12 ноября 1801 г.) государю, приписывая противныя вѣрноподданническимъ обязанностямъ отзывы духоборцевъ о власти „недоумѣнію и не-искуству увѣщателей“, въ подтвержденіе своего взгляда говорилъ: „образъ мыслей духоборцевъ довольно уже испытанъ правительствомъ чрезъ прежніе розыски.“ (Чтен. москов. общ. истор. и древн. росс. 1860 г. кн. III, стр. 97). Очевидно, почтенному сановнику былъ неизвѣстенъ вышеприведенный указъ императора Павла, а равно и именной его же указъ отъ 30 марта 1800 года (Полн. собр. зак. т. XXVI, № 19,352), въ которомъ духоборцы села Чудова новгородской губерніи рисуются „не признающими государя и предоставлен-

убѣдиться не только въ томъ, что въ концѣ прошлаго столѣтія духоборцы отвергали „вышнюю власть, предѣломъ Божіимъ поставленную“, но и въ томъ, что и „наикротчайшія жѣры“ правительства противъ нихъ, которыхъ такъ настойчиво требуетъ для сектантовъ свѣтская печать, не дѣлають духоборцевъ безвредными въ государственномъ и гражданскомъ отношеніи.

Съ воцареніемъ императора Александра I-го взглядъ правительства на духоборцевъ измѣняется. Этотъ благодушный государь, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, сталъ смотрѣть на духоборцевъ только какъ на „отдѣлившихся отъ православной греко-россійской церкви“, какъ на заблуждающихся, и рекомендовалъ всѣмъ дѣйствовать на нихъ одними увѣщаніями, „чтобъ они лучше почувствовали обязанности свои къ правительству“¹⁾; мало этого: государь требовалъ, чтобы власти не входили съ духоборцами „въ

ной власти“, за что и были преданы гражданскому суду и подвергнуты строгому наказанію, какъ «оставшіеся по законности сердца въ буйномъ зломъсліи упорными»; не зналъ также сенаторъ и того, что еще въ 1791 году духоборцы екатеринославской губерніи маріупольскаго уѣзда судились за то, что публично на улицахъ стали отрицать значеніе и силу верховной власти (Духоборцы, Новацкаго, 1882 г. стр. 52 и 237). Впрочемъ Лопухинъ хотя и старался увѣрить императора Александра I въ томъ, что духоборцы «*тотомъ* повинуются монаршей власти и исполняютъ всѣ земскія обязанности», «признають государей отъ Бога поставленными и за долгъ считаютъ имъ повиноваться», тѣмъ не менѣе не рѣшался скрыть того, что и между духоборцами могутъ встрѣтятся лица, которые на дѣлѣ окажутся «возмутителями противъ власти и общаго спокойствія»; рекомендуя поступать съ такими людьми по всей строгости законовъ, онъ только совѣтовалъ «не входить въ мысленные источники и причины неисполненія» духоборцами «вѣроуподобническаго долга и обязанностей, предписанныхъ высочайшими указами и государственными законами, по общему гражданскому и земскому состоянію» («Чтен. моск. общ. истор.» 1860 г. кн. III, стр. 96—98 и 100). Послѣ этого намъ нисколько не удивляетъ то обстоятельство, что многіе современники Лопухина считали его «превеликимъ защитникомъ всякой секты и расколовъ» (тамъ же, стр. 103, примѣч.). Что предъ духоборцами и вообще предъ сектантами рационалистическаго и мистическаго направленія Лопухинъ почти благоговѣлъ,—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но къ раскольникамъ-старообрядцамъ, кажется, онъ относился не вполне благосклонно, не допуская въ нихъ даже искренности убѣжденій. (Тамъ же; стр. 101—102).

¹⁾ Собран. постановл. по части раскола, 1858 г., стр. 22.

неосторожныя и совсѣмъ ненужныя объясненія и разбирательство о верховной власти“ ¹⁾ и чтобы, „доколѣ не обнаружено будетъ въ духоборцахъ *явнаго неповиновенія установленной власти*“, до-толѣ не судить „по единому смыслу ихъ ереси и не обвинять ихъ въ семь преступленіи“ ²⁾; „надобно, говорилъ императоръ въ указѣ отъ 9 декабря 1816 года, чтобы они могли почувствовать, что они состоятъ подѣ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ, и тогда только надежныѣ можно ожидать отъ нихъ любви и привязанности къ правительству и взыскивать исполненія по законамъ еію“ ³⁾. Такимъ образомъ снисходительныя распоряженія правительства относительно духоборцевъ въ царствованіе Александра Благословеннаго имѣли не тотъ смыслъ, какой придаетъ имъ г. Мельниковъ, утверждая, будто бы императоръ считалъ обвиненія сектантовъ въ неповиновеніи власти несправедливыми и не вѣрилъ имъ (стр. 49); напротивъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ выраженій высочайшихъ указовъ, государь зналъ отрицательное отношеніе духоборцевъ къ правительству, зналъ, что „неповиновеніе установленной власти“ составляетъ „смыслъ ихъ ереси“ (т. е. что, по духу своего ученія, духоборцы и не могли иначе относиться къ власти), и если дѣйствовалъ относительно заблуждающихся снисходительно, то единственно съ тою цѣлію, чтобы этимъ дать имъ почувствовать обязанности ихъ къ правительству, привязать ихъ къ нему. Что же? Оправдали ль духоборцы надежды милостиваго монарха и измѣнили ль свои отношенія къ Богомъ установленной власти? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ укажемъ на слѣдующіе факты.

Въ 1805 году въ селѣ Константиновкѣ, маріупольскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, взяты были три духоборца, *не признававшихъ никакой власти*. Государь императоръ, усмотрѣвъ изъ поднесеннаго на высочайшее усмотрѣніе представленія министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, что люди эти „скитались безъ паспортовъ и, бывъ сами напоены *нелѣпыми правилами*, бла-

¹⁾ Полн. собр. зак. т. XXVII, № 20,545, указъ 6 декабря 1802 г.

²⁾ Тамъ же, № 20,629, указъ 21 февраля 1803 г.

³⁾ Собран. постанов. по части раскола 1858 г. стр. 49.

гоустройству противными, могутъ распространять и между другими свое заблужденіе и нарушать общее спокойствіе“, высочайше повелѣлъ: „означенныхъ людей, какъ оказавшихъ неповиновеніе властямъ и могущихъ распространить свое заблужденіе другимъ, сослать въ Соловецкій монастырь“¹⁾).

Въ 1807 году производилось дѣло надъ двумя казаками войска донскаго—Прокудинымъ и Артеховымъ, которые оказались духоборцами. По суду обнаружилось, что упомянутые казаки не только „отрицали исповѣдуемый грекороссійскою церковію законъ, но и не признавали верховной и никакой другой власти и неповиновались ей“. Государь императоръ, разсмотрѣвъ судебное дѣло, обратилъ особенное вниманіе на то обстоятельство, „что оные казаки не только въ столь важномъ ихъ преступленіи признались предъ военнымъ судомъ, но и упорно подтвердили оное“, и потому, „входя въ существо всего дѣла, полагалъ мнѣніемъ, дабы, не наказывая ихъ кнутомъ (какъ полагалъ одинъ изъ членовъ военной комиссіи), заковать навсегда въ желѣзы и отослать не въ каторжную работу, а въ Соловецкій монастырь; ибо всякое публичное тѣлесное наказаніе, замѣчалъ монархъ, будетъ ихъ болѣе утверждать въ ихъ заблужденіи и подастъ имъ о себѣ мысль, какъ о страждущихъ невинно за вѣру; а вѣчное заключеніе въ пустынь каж-

¹⁾ Собр. пост. по части раск. 1860 г. кн. 2, стр. 58—59; Новадкаго «Духоборцы» стр. 112—113; Ливанова «Раскольниковъ и острожники», т. 3, стр. 324—325. Правда, въ запискѣ, поданной екатеринославскими духоборцами губернатору Коховскому еще въ 1791 году, говорилось, что будто бы даже Силуанъ Колесниковъ училъ своихъ послѣдователей «повиноваться властямъ и господамъ міра сего не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ» («Чтен. моск. общ. истор. и древн.» 1871 г. кн. II, стр. 31), что «преступавшій велѣніе земаго царя есть преступникъ, достойный жестокой казни» (тамъ же, стр. 34), что «Господь поставляетъ власти» и проч. Но вѣрить всему этому являлось бы странно въ виду замѣчаній авторовъ записки о томъ, что «въ чьемъ сердцѣ въ полуденномъ свѣтѣ взойдетъ солнце вѣчной правды, луна и звѣзды губить свѣтъ, тамо истинно не нужны для чадъ Божіихъ царіе, власти и никакіе человѣческіе законы; не страха бо ихъ ради бѣгутъ они отъ зла», и что духоборцамъ, какъ «праведникамъ, никаковъ законъ не положенъ, т. е. законъ принудительный, ни Божескій, ни царскій» (тамъ же, стр. 74—75).

даго порознь будетъ имъ вышшимъ наказаніемъ и дать имъ время опомниться въ ихъ заблужденіи; сверхъ того площадное наказаніе можетъ *болѣе* и другихъ заблудившихся, подъ названіемъ *духоборцевъ, отвлечь отъ православныя церкви и послушанія верховной власти*; а ссылка въ каторгу произвести таковую жъ вредную заразу въ развращеніи вѣры грекороссійскаго вѣроисповѣданія и *непризнаваніи верховной власти* между порочными людьми. туда сосланными“ ¹).

Въ 1818 году государь императоръ, во время путешествія своего по мелитопольскому уѣзду, таврической губерніи, повелѣлъ возвратить, по просьбѣ тамошнихъ поселенцевъ, нѣкоторыхъ духоборцевъ, сосланныхъ въ архангельскую, иркутскую и тобольскую губерніи; а такъ какъ въ числѣ сосланныхъ находились два рядовыхъ 23-го егерскаго полка—Парамопъ Боровковъ и Егоръ Поповъ, то государю угодно было узнать, за что именно сосланы были Боровковъ и Поповъ. По справкѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ императору, что упомянутые рядовые были наказаны кнутомъ и сосланы (въ 1811 г.) въ Норчинскъ „за отмѣтаніе преданій грекороссійскою церковію установленныхъ и *за непризнаваніе надъ собою верховной власти*“ ²).

Вскорѣ послѣ этого генералъ-адъютантъ Дибичъ, сопутствовавшій государю въ путешествіи его по таврической губерніи, далъ слѣдующій отзывъ о духоборцахъ предъ комитетомъ министровъ: „въ послѣднее путешествіе мое по Тавріи съ государемъ императоромъ, я самъ лично видѣлъ неоднократно встрѣчавшихся по дорогѣ духоборцевъ переселяемыхъ, бодрый и веселый видъ коихъ показывалъ, что они оставляли дома и родину безъ всякаго сожалѣнія и съ охотою сгѣшили соединиться съ своими единомышленниками въ таврической губерніи. Сверхъ того, въ проѣздъ чрезъ духоборческія селенія государя, было подано ему отъ

¹) Собран. постановл. по части раск. 1860 г. кн. 2, стр. 54—56.

²) Собр. постановл. по части раск. 1858 г. стр. 56—57; свес. «Духоборцы». Новицкаго, стр. 75.

духоборцевъ нѣсколько десятковъ просьбъ о присоединеніи къ нимъ ихъ семействъ, оставшихся на прежнихъ жилищахъ. Почему я полагаю, что отъ соединенія въ одномъ мѣстѣ сего рода людей, *разрушающихъ по своей ереси всѣ гражданскія связи*, нельзя достигнуть цѣли правительства, а напротивъ средство сіе, усиливая ихъ народонаселеніе, достигшее уже нынѣ до нѣсколько тысячъ душъ, можетъ вести на будущее время къ *весьма вреднымъ послѣдствіямъ*¹⁾.

Если же даже въ царствованіе Александра I-го, когда, благодаря гуманному взгляду правительства на сектантовъ, только въ случаѣ „явнаго неповиновенія“ духоборцевъ „установленной власти“ можно было „обвинять ихъ въ самъ преступленіи“, и когда не только запрещалось губернаторамъ и другимъ низшимъ властямъ „входить съ духоборцами въ неосторожныя и совсѣмъ ненужныя объясненія и разбирательства о верховной власти“, но даже отзывы сектантовъ, „противныя вѣрнопопдадническимъ обязанностямъ“, которые они дѣлали при увѣщаніяхъ, считались „исторгнутыми неискусно сдѣланными вопросами со стороны увѣщателей“²⁾, встрѣчалось немало случаевъ, когда духоборцы на увѣщаніяхъ и на судѣ „государя помазанникомъ Божиимъ не признавали“³⁾, за что и терпѣли наказаніе отъ нелюбившаго прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ императора; то очевидно, что въ то время эти сектанты не были хорошими вѣрнопопдаданными. Если же случаевъ такихъ мы знаемъ не много, то не потому, чтобы ихъ не было, а потому, что нани архивы, въ которыхъ хранятся подобнаго рода дѣла, еще только приводятся въ порядокъ...

Въ самомъ началѣ царствованія императора Николая Павловича происходитъ перемѣна въ отношеніяхъ правительства ко всѣмъ заблуждающимъ, въ томъ числѣ и къ духоборцамъ. Въ 1826 году, предсѣдатель департамента законовъ Государственнаго Совѣта Паш-

¹⁾ «Расколы и острожники», Ливанова, т. 3, стр. 539.

²⁾ «Чтен. моск. общ. истор. и древн.» 1860 г. кн. III, стр. 95.

³⁾ Ливановъ, т. I, стр. 129.

ковъ далъ такое мнѣніе о духоборцахъ, что они по своимъ „правиламъ или умствованіямъ сѣются къ разрушенію всего того, что есть въ мірѣ цѣннаго для истиннаго сына церкви, престола и отечества“, что „прикрывая себя какою-то скромностію и въ поведеніи умѣренностію“, духоборцы „сею личиною тѣмъ надежныѣе успѣвають уловлять слабыхъ и маловѣрныхъ и распространять свое общество“, „что хотя духоборцы появляются до сихъ поръ только изъ низшаго сословія людей, но размноженіе общества въ духъ безначалія, въ какомъ бы сословіи людей ни гнѣздилося, весьма вредно и угрожаетъ опасными послѣдствіями для государства“, и что потому „нужно поспѣшить къ ослабленію, или уничтоженію такого возмутительнаго въ корни своего общества мѣрами рѣшительными и сильными, поелику снисходительныя, въ понятіяхъ сихъ къ безначалію уклонившихся людей, казаться могутъ уступчивостію правительства, что не менѣе опасно, какъ и самое размноженіе общества“. Настаивая за тѣмъ, согласно съ мнѣніемъ главноуправляющаго въ Грузіи генерала Ерколова, что духоборцы должны быть поселены не въ предѣлахъ, а за предѣлами кавказской области, Пашковъ мотивировалъ свою мысль тѣмъ, что „духоборцы, сдѣлавшись на первой по границѣ предъ непріязненнымъ народомъ чертъ поселянами, должны будутъ сами защищать себя лично, свои семейства и всю свою собственность“, и что „будучи поставлены въ такое положеніе, они сами по себѣ уразумѣють тогда необходимость и пользу въ учрежденіи властей отъ правительства, и въ полной къ оной покорности и скоро почувствуютъ, что никакое общество не можетъ существовать безъ главы или начальства“. На возраженіе же, что духоборцы, какъ неискусные въ военномъ дѣлѣ, могутъ напрасно погибать отъ непріятеля, опытнаго въ бояхъ, предсѣдатель департамента законовъ отвѣчалъ: „собственная ихъ нужда будетъ имъ учителемъ; она укажетъ имъ средства къ оборонѣ... Впрочемъ, замѣтилъ ораторъ, какъ въ военныхъ дѣйствіяхъ нельзя обходиться безъ потери людей, то для правительства не полезно ли

занять границу, требующую строгой обороны, населеніемъ людьми, по духу и правиламъ ихъ, для блага общаго вредными, нежели таковыхъ держать внутри государства. Убыль людей зло *творящихъ*, каковыми, къ крайнему сожалѣнію, суть духоборцы, непреклонные покинуть *своего безначалія* ересь, не должна вѣнчаться въ потерю для государства. Мѣра таковая, по моему мнѣнію, есть одна изъ надежнѣйшихъ, чтобы ею въ одно время и исправлять нравственное зло, и *покорять строптивыхъ благами законамъ повиновенія ко властямъ* и сберечь мирныхъ и незлобивыхъ для блага отечества“. И хотя министръ внутреннихъ дѣлъ былъ противъ такого мнѣнія, тѣмъ не менѣе комитетъ министровъ согласился съ Пашковымъ, а въ засѣданіи 6-го февраля 1826 года было объявлено, что и императоръ Николай Павловичъ утвердилъ положеніе комитета и мнѣніе предсѣдателя департамента законовъ Государственнаго Совѣта, высочайше повелѣвъ: „допскихъ казаковъ, впадающихъ въ духоборческую ересь, вмѣсто таврической губерніи переселять въ настоящихъ предѣловъ кавказской области близъ новой линіи нашихъ укрѣпленій“ ¹⁾.

Лишь только духоборцы узнали (а это у сектантовъ совершается почему-то очень скоро) о такомъ взглядѣ на нихъ новаго правительства, какъ немедленно они вспомнили „мудрый“ совѣтъ своихъ первыхъ наставниковъ: „наружно неуклонно покоряться постановленіямъ церкви и правительства“ ²⁾, и стали тщательно скрывать свое ученіе о власти и о другихъ, противныхъ общественнымъ законамъ предметахъ. Ученіе первыхъ духоборческихъ наставниковъ о томъ, что всѣ люди равны и потому власти не пужны ³⁾, что онѣ учреждены въ мірѣ мудрѣйшими для людей злыхъ, что для сущихъ не отъ міра и власти мірскія не нужны, что І. Христосъ освободилъ своихъ послѣдователей отъ всѣхъ

¹⁾ Втор. полн. собр. зак. т. I, № 126; Собр. пост. по части раскола, 1858 г. стр. 89 и 96; «Духоборцы», Новицкаго, стр. 121—123.

²⁾ «Раскольники и острожники», Ливанова, т. 2, стр. 64.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 355.

человѣческихъ законовъ ¹⁾ и проч., хранилось духоборцами и въ царствованіе императора Николая I-го, какъ хранится и доселѣ: только въ выраженіи этого ученія произошла перемѣна. Признанные сектою особенно вредною, духоборцы, употребимъ ихъ собственное выраженіе, „въ языкѣ предъ всякимъ стали сильно косвенны“ ²⁾ и, отвергая присягу, „не признавая надъ собою никакого начальства“ ³⁾, давая у себя пристанище бѣглымъ, дезертирамъ и проч. ⁴⁾, на допросахъ, при увѣщаніяхъ, стали утверждать, что „почтеніе къ власти самодержавной и установленной отъ оной имѣть не отрицаются“ ⁵⁾; а чтобы лучше замаскировать свое отношеніе къ правительству и закону, завели, какъ значится въ одномъ дѣлѣ, свою собственную полицію, при помощи которой скрываютъ отъ мѣстныхъ властей всѣ, происходящіе между ними, безпорядки; на вопросы же: „по какой причинѣ считаютъ ихъ непокорными, послушниками законной власти“, со смиреніемъ и уклончиво отвѣчали: „мы не знаемъ другой причины, кромѣ клеветы и злобы, ибо мы во всемъ повинujemyся, *кромѣ долга до нашей совѣсти и спасенія касающихся*“ ⁶⁾. Понятно послѣ этого, почему всѣ, занимавшіеся изслѣдованіемъ секты духоборцовъ въ царствованіе императора Николая и до нашихъ дней, согласно утверждали и утверждаютъ, что, не смотря на наружную покорность духоборцевъ правительству, сектанты эти и доселѣ считаютъ властей богопротивными и повинуются имъ, только уступая страху и силѣ. Такъ смотрѣли на дѣло митрополитъ кievскій Евгеній ⁷⁾, Новицкій ⁸⁾, неизвѣстный авторъ составленной въ 1841 году „записки о духоборцахъ, обитающихъ въ мелитопольскомъ

¹⁾ Тамъ же, т. 2, стр. 91—92.

²⁾ Чтен. моск. общ. истор. и древн. 1871 г. кн. II, стр. 78.

³⁾ Истор. минист. внутр. дѣлъ Варадинова, т. 8, стр. 231.

⁴⁾ Собр. постан. по части раскола 1858 г. стр. 31.

⁵⁾ Расколъ и острожники, Лавакова, т. 2, стр. 257.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 634.

⁷⁾ Древн. и нов. Россія, 1880 г. декабрь, стр. 617.

⁸⁾ „Духоборцы“, стр. 236—238 и 277—279.

уѣздѣ, таврической губерніи“ ¹⁾, Кельсіевъ ²⁾ и даже самъ г. Мельниковъ, относившій въ 1857 году духоборцевъ къ числу сектантовъ, отвергающихъ всякую законную власть и ожидающихъ скорого паденія православія и ниспроверженія существующаго порядка государственнаго ³⁾. Значить, взглядъ на духоборцевъ, какъ на людей, признающихъ верховную власть государя императора и поставляемыхъ имъ начальства, высказанный авторомъ „писемъ о расколѣ“ въ комиссіи 1875 года, для науки и литературы составляетъ новость; но такъ какъ эта новость не обоснована ни на какихъ положительныхъ, фактическихъ данныхъ, то и остается только принять ее къ свѣденію.

Впрочемъ, утверждая, что всѣ сектанты-раціоналисты вѣрны монархическому началу и признаютъ верховную власть государя императора, г. Мельниковъ имѣлъ въ виду не столько духоборцевъ, о которыхъ онъ только упомянулъ какъ бы мимоходомъ, сколько молоканъ. Это—потому, что въ синодальной классификаціи сектъ о духоборцахъ было только замѣчено, что они «одинаковаго духа съ молоканами», тогда какъ о молоканахъ прямо было сказано, что они, „не принимая присяги, не уважаютъ вѣрности и никакой власти не признаютъ богопоставленной“. Соглашаясь съ тѣмъ, что молокане, какъ и однородные съ ними шундисты и др., отвергаютъ молитву за царя и присягу по той формулѣ, какая у насъ нынѣ употребляется, г. Мельниковъ въ то же время увѣряетъ, что молокане „не отвергаютъ вѣрности государственной власти и вѣрны ея верховному представителю, государю императору“ (стр. 44). Въ подтвержденіе такого взгляда на молоканъ, авторъ „писемъ о расколѣ“ указываетъ на „строгое исполненіе ими государственныхъ обязанностей“, на то именно, что молокане исправно платятъ подати, что „между ними не случается какихъ либо волненій“, что „самые обыкновенные въ на-

¹⁾ «Труды кiev. дух. акад.» 1876 г. ч. III, стр. 391 и 396.

²⁾ Сборн. правит. свѣд. о раскольникахъ, т. 2, стр. VI.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 196—197.

шемъ народѣ преступленія и проступки, въ родѣ воровства, обмана, чрезвычайно рѣдки между ними“ (стр. 45). При всемъ уваженіи къ г. Мельникову, мы не можемъ признать довода его серьезнымъ и убѣдительнымъ. Прежде всего, государственныя обязанности каждаго русскаго не ограничиваются однимъ исправнымъ платежѣмъ податей; во-вторыхъ, исправное отбываніе молоканами этой повинности можетъ быть объяснено не одними вѣрнопопдавническими чувствами ихъ къ верховной власти государя императора, а совершенно другими ихъ соображеніями и побужденіями, именно — желаніемъ сектантовъ избѣжать лишнихъ столкновеній съ представителями непризнаваемой ими власти, чтобы чрезъ то скрыть отъ нихъ свое неправильное отношеніе къ ней ¹⁾). Тѣми же причинами

¹⁾ А что дѣйствительно исправный платежъ сектантами податей еще не можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ преданности ихъ преержавшей власти, въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующаго примѣра. Въ концѣ 1883 года въ селѣ Ладьянѣ, старикаго уѣзда, тверской губерніи, появились новыя сектанты, подъ названіемъ: «пашковцы», во главѣ которыхъ сталъ прибывшій изъ Петербурга крестьянинъ Никаноръ Трохимовъ Орѣховъ. Сначала мѣстныя и окрестныя жители отнеслись къ сектантамъ равнодушно, но потомъ, когда заблуждающіе позволили себѣ открыто надѣваться надъ разными обрядами и установленіями св. церкви, православные стали къ сектантамъ во враждебное отношеніе. Въ 1885 году вражда эта усилилась до того, что православные крестьяне рѣшились подать тверскому губернатору прошеніе, въ которомъ умоляли начальника губерніи «принять мѣры къ прекращенію пропаганды сектантовъ и наказать тѣхъ изъ нихъ, которые позволяли себѣ кощунствовать надъ православіемъ. Излагая вѣсны сектантовъ, просители между прочимъ писали: «а что особенно поразило насъ и оскорбило, такъ это то, что въ день тысячелѣтія памяти просвѣтителей славянскихъ — Кирилла и Меодія пашковцы, не смотря на предупрежденія, въ тотъ день работали; а когда имъ связали, что празднество это установлено церковію и по высочайшему государя императора повелѣнію и какъ это они осмѣлились ослушаться воли государя императора, — на это она, особенно Орѣховъ, отвѣчала, что они подати государю уплатили, а за тѣмъ знать никого не хотятъ, что государь такой же человекъ, какъ и они, и они не признаютъ въ немъ помазанника Божія, и что онъ не можетъ приказывать имъ праздновать, или не праздновать какому-то Кириллу; а если бы государь и вздумалъ приказывать имъ что либо противное имъ и ихъ духу и вѣроученію, то они такого приказанія никогда не исполнили бы». Губернаторъ, посѣтивъ село Ладьяно, нашелъ дѣло въ такомъ именно положеніи, какъ оно изложено было въ прошеніи. («Истина»,

могутъ быть объяснены и всѣ другія гражданскія добродѣтели молоканъ, которыя, кстати замѣтимъ, оказываются, по извѣстіямъ ¹⁾, далеко не такими высокими, какими рисуетъ ихъ г. Мельниковъ.

Понимая, вѣроятно, что одного указанія на то, что „молокане — исправные плательщики податей“ недостаточно для того, чтобы, вопреки *общему* мнѣнію, признавать ихъ „вѣрными государственной власти и ея верховному представителю“, авторъ „ни-сея о расколѣ“, въ подтвержденіе своего взгляда на сектантовъ, ссылается еще на свой авторитетъ, — на то, что онъ больше 25 лѣтъ изучалъ расколъ и можетъ говорить о немъ „не по однѣмъ книгамъ и бумагамъ, но какъ очевидецъ и послухъ“, что въ частности онъ не только бесѣдовалъ съ молоканскими наставниками, но даже „бывалъ и при молоканскомъ богослуженіи“ (стр. 43). Какъ ни великъ авторитетъ г. Мельникова, какъ знатока раскола и сектантства, тѣмъ не менѣе важность возбужденнаго имъ вопроса заставляетъ насъ провѣрить взглядъ его на молоканъ историческими данными. Что же говорить эти данныя?

По откровенному сознанію самихъ и притомъ современныхъ намъ молоканъ, въ основу отношеній ихъ къ правительству и порядкамъ гражданской жизни были положены основателемъ молоканства — извѣстнымъ Уклеиннымъ слѣдующія мысли: „идѣже духъ Господень, ту свобода, говоритъ ап. Павелъ (2 Кор. III, 17). Стѣдовательно основаніемъ нравственной жизни истиннаго христіанина должна быть совершенная свобода, независимость ни отъ какихъ человѣческихъ законовъ и принужденій. И не должно быть

1885 г. ноябрь и декабрь мѣсс. свѣд. о раск., стр. 41—48). Могъ ли председатель департамента законовъ Государственнаго Совѣта, мнѣніе котораго о духоборцахъ мы изложили выше, думать, что вполнѣдствіи подъ его фамиліей явятся сектанты, по духу своего ученія мало чѣмъ отличающіеся отъ духоборцевъ.

¹⁾ «Отечеств. Записки», 1867 г. т. CLXXIII, стр. 114; «Церковно-Обществ. Вѣстникъ» 1875 г. №№ 26 и 35; «Голосъ», 1880 г. №№ 88 и 103, сообщ. изъ Тифлиса.

власти людей надъ тѣми, въ комъ вселилось ученіе Христово. Мірскія власти благотѣльны на землѣ и поставляются Богомъ, но поставляются только для сыновъ міра. А Господь сказалъ о христіанахъ: *не суть отъ міра, якоже и Азъ отъ міра нѣсмь* (Іоан. 17, 14). Посему для духовныхъ христіанъ, которые не отъ міра, мірскія власти не нужны: какъ чада свѣта, такіе христіане сами стараются жить по заповѣдямъ Іисуса Христа. Исполняя заповѣди божественныя, они не имѣютъ нужды въ человѣческихъ законахъ и не обязаны исполнять ихъ, даже должны *избывать исполненія тѣхъ законовъ, которые противорѣчатъ ученію слова Божія*; такъ—они должны избѣгать рабства помѣщикамъ, войны, военной службы, присяги, какъ дѣлъ, непозволенныхъ Писаніемъ. А такъ какъ невозможно открыто противиться правительству и не исполнять его требованій, то духовные христіане, подражая первенствующимъ христіанамъ, могутъ скрываться отъ него; а братья ихъ по вѣрѣ обязаны принимать и укрывать ихъ, исполняя заповѣдь Писанія: старого и младаго между стѣнами твоими сокрой (3 Езд. II, 22), и подражая Аврааму, принявшему къ себѣ въ кущу трехъ странниковъ, и блудницѣ Раавъ, укрывшей у себя соглядатаевъ еврейскихъ¹⁾. По нашему мнѣнію, болѣе чѣмъ трудно найти въ приведенныхъ мысляхъ Укленина основаніе утверждать, будто бы молokane признаютъ надъ собою государственную и гражданскую власть, считаютъ обязательными для себя ея законы и распоряженія и суть вѣрные исполнители государственныхъ обязанностей, какъ дѣлаетъ это г. Мельниковъ.

Въ скоромъ времени молokane тѣ пункты своего ученія, которые были несогласны съ законами гражданскими и общественными, развили еще болѣе и подыскивали для нихъ основанія изъ св. Писанія. На основаніи словъ апостола Павла: *нѣсть наша брань противу крови и плоти* (Ефес. VI, 12) молokane стали утверждать, что Богъ не только запрещаетъ вступать въ военную службу,

¹⁾ «Отечеств. Записки», 1870 г., июль, стр. 301.

гдѣ должно проливать кровь и убивать тѣло, но и угрожаетъ вступающимъ наказаніемъ—въ слѣдующихъ словахъ: *уже еще въ плъненіе ведетъ, въ плъненіе пойдетъ; еще кто оружіемъ убіетъ, подобаетъ ему оружіемъ убіену быти* (Апок. XIII, 10); поступившій въ военную службу, во избѣжаніе суда по строгости человѣческихъ законовъ, непремѣнно долженъ отыскивать удобный случай къ побѣгу: *на немъ же еще мѣсть воя соберутъ, не иди тамо: уклонися же отъ нитъ, и измѣни* (Притч. IV, 15). На основаніи словъ Спасителя: *страненъ бѣхъ и введосте мене* (Мѡ. XXV, 35) молокане поставили правиломъ принимать къ себѣ и укрывать у себя всѣхъ, прибѣгающихъ подъ ихъ покровъ, не исключая военныхъ дезертировъ, бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ и даже преступниковъ, коихъ выдавать властямъ будто бы строго запрещается слѣдующими словами слова Божія: *не предаждь раба въ руки господина, да не когда прокленетъ тя, и исчезнеша* (Притч. XXX, 10); *да не предаши раба господину его, уже прииде къ тебѣ отъ господина своего: съ тобою да обитаетъ, съ вами да живетъ во всякомъ мѣстѣ, идѣже угодно будетъ ему* (Второз. XXIII, 15—16). Словамъ Спасителя: *воздадите кесарева кесареви, и Божія Богови* (Мѡ. XXII, 21) молокане дали тотъ смыслъ, что тѣ, которые принадлежатъ кесарю, должны платить ему подать, а которые принадлежатъ Богу, суть Божіи; уклоняясь отъ присяги, они стали указывать на извѣстныя слова Спасителя (Мѡ. V, 34—37), которыми запрещается клятва въ обыкновенныхъ и частныхъ разговорахъ¹⁾. Кажется, нѣтъ нужды до-

¹⁾ «Расколы. и острожи». Ливанова, т. 3, стр. 447—448. Въ томъ, что молокане, равно какъ и другіе сектанты-раціоналисты, не принимаютъ присяги, г. Мельниковъ не только не видитъ ничего преступнаго со стороны заблуждающихся, а тѣмъ болѣе—доказательства невѣрности ихъ предержавшей власти, но даже старается доказать, что молокане поступаютъ въ этомъ случаѣ вполне резонно, истинно по христіански, такъ какъ Іисусъ Христосъ запрещаетъ клясться даже землею, потому что она — подножіе ногъ его; между тѣмъ въ современной присягѣ повелѣвается клясться всемогущимъ Богомъ. Такая клятва, по словамъ г. Мельникова, противна христіанству, богохульна (стр. 44). Доказывать неосновательность взгляда автора «писемъ о расколѣ» на современ-

казывать, что и въ этихъ разсужденіяхъ молоканъ нѣтъ основанія считать ихъ исправными „исполнителями государственныхъ“ и общественныхъ обязанностей.

Правда, еще въ концѣ царствованія императора Павла стали появляться у молоканъ такъ называемые „обрядники“, въ которыхъ излагалось вѣроученіе сектантовъ и въ которыхъ о власти свѣтской говорилось совершенно не то, что проповѣдывалъ Уклеинъ. Такъ наиримѣръ въ „обрядникѣ“ молоканъ самарскаго края, написанномъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія, читаемъ слѣдующее: „царя и власти почитаемъ, по свидѣтельству Притчей Соломона, гдѣ говоритъ премудрость: мною царіе царствуютъ, и сильніи

менную формулу присяги — послѣ того, что сказано было объ этомъ предметѣ однимъ изъ нашихъ проповѣдниковъ-іерарховъ (Уклм. Епарх. Вѣдом. 1883 г., № 7, стр. 210—232), мы считаемъ излишнимъ. Но такъ какъ даже и ревнители „древняго благочестія“ смущаются началомъ нашей присяги и желали бы, чтобы слова: „общаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ“ были замѣнены словами: „общаюсь и клянусь *предъ* всемогущимъ Богомъ“ (Церк. Вѣстн., 1882 г., № 47, стр. 2); то не лишнимъ считаемъ припомнить, что еще въ 1882 году издатель „Руси“ указывалъ нѣкоторымъ представителямъ власти на необходимость и цѣлесообразность — измѣнить начало нашей присяги вставкою слова, „предъ“. Тогда „не время было заниматься этимъ дѣломъ“. Не приспѣло ли теперь время успокоить немогущую совѣсть заблуждающихся и тѣмъ уничтожить одну изъ причинъ, препятствующихъ соединенію ихъ съ св. церковію. Если поляку разрѣшается говорить: „клянусь всемогущему Богу“ (Уклм. Епарх. Вѣдом. 1883, № 7, стр. 213), то что же мѣшаетъ дозволить русскому клясться *предъ* „Всемогущимъ Богомъ“? Сдѣлать это, по нашему мнѣнію, тѣмъ легче, что желаемая ревнителями „древняго благочестія“ формула присяги у насъ уже существуетъ и употребляется въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ учрежденіяхъ. Такъ напр. вдовы, при вступленіи въ утвержденное государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ званіе сердобольныхъ, даютъ клятвенно обѣщаніе (составленное, по мнѣнію нѣкоторыхъ, почившимъ московскимъ святителемъ Филаретомъ), въ которомъ произносятъ: „общаюсь и клянусь *предъ* всевидящимъ Богомъ, невидимо нынѣ пріемлющимъ клятву мою, и *предъ* святымъ Его евангеліемъ и честнымъ крестомъ“. А въ „клятвенномъ обѣщаніи“, которое обязаны произносить женщины при вступленіи въ утвержденное императоромъ Николаемъ Павловичемъ званіе „сестеръ милосердія“ и которое представляетъ буквальное повтореніе клятвеннаго обѣщанія „сердобольныхъ вдовъ“, призвано возможнымъ, а можетъ быть и нужнымъ — вышеприведенныя слова совсѣмъ опустить и вмѣсто нихъ поставить слѣдующія: „принимаю нынѣ присягу въ томъ“.

пишутъ правду, мною всеможи величаются, и властители мною держатъ землю (VIII, 15—16), и по свидѣтельству апостола къ римлянамъ (XIII, 1—2): всяка душа властемъ поддерживающимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противляется, и въ посланіи Петра (1 Петр. II, 16—18) сказано: яко раби Божіи... всѣхъ почитайте... Бога бойтсся, царя чтите, и въ 1 посланіи къ Тимошею (II, 1) писано: молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся чело-вѣки, за царя и за всѣхъ, иже во власти суть; посещу моленія и благодаренія приносимъ и мы за царя и за всѣхъ, и о всемъ мирномъ житіи и о долгоденствіи сихъ“¹⁾. Мало этого: въ молоканскихъ обрядникахъ явились даже особыя молитвы „за царя и за весь царствующій домъ“, которыя будто бы читались сектантами „съ колѣнопреклоненіемъ“²⁾. Въ то же время молокане разныхъ губерній стали обращаться къ императору Александру I съ прошеніями, въ которыхъ сектанты высказывали самыя вѣрнопопда-ническія чувства къ государю. Такъ, напримѣръ, въ прошеніи молоканъ тамбовскаго уѣзда, деревни Максимовки, поданномъ импе-ратору 6-го августа 1809 года, говорилось слѣдующее: „мы приносимъ жертву, моленія, приношенія, благодаренія за вся чело-вѣки, за ваше императорское величество и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе проживемъ во всякомъ благоче-стіи“³⁾. То же говорили и симферопольскіе молокане въ прошеніи, поданномъ государю 8 мая 1818 года⁴⁾. Наконецъ, какъ по-казываютъ дошедшіе до насъ письменные памятники, въ царство-ваніе Александра I было не мало лицъ, которыя вполне вѣрили заявленіямъ молоканъ объ ихъ преданности верховной власти и

¹⁾ „Раскольник. и острожники“, Ливанова. т. 2, стр. 436; смс. стр. 193 и 393.

²⁾ Тамъ же, стр. 611.

³⁾ Тамъ же, т. 3, стр. 280.

⁴⁾ „Чтен. моск. общ. истор. и древн.“ 1862 г. кн. III, стр. 159.

поставляемымъ ею начальствамъ. Такъ, напримѣръ, астраханскій губернаторъ доносилъ въ 1805 году, что молокане „царскія особы и всѣ установленныя власти признають и почитаютъ съ особеннымъ уваженіемъ“ ¹⁾. А саратовскій губернаторъ въ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ писалъ, что молокане „предъ властями покорны и предъ всенародными обществами ведутъ себя смирно“ ²⁾. Такимъ образомъ, какъ показываютъ приведенныя данныя, мысль г. Мельникова о томъ, что молокане признають верховную власть государя и поставлемыя имъ начальства, что они вѣрны монархическому началу и строго исполняютъ государственныя обязанности, оказывается не новою. Еще въ царствованіе Александра I сами молокане какъ въ своихъ „обрядникахъ“, такъ и во всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ, которыя подавали императору, постоянно рекомендовали себя вѣрноподданными государя, и многія правительственные лица принимали такія заявленія молочанъ за чистую монету. Послѣ этого, повидимому, не остается ничего другого, какъ только взглядъ г. Мельникова на молочанъ, высказанный имъ въ комиссіи 1875 года, признать справедливымъ, а существовавшее до послѣдняго времени у правительства и въ литературѣ мнѣніе о нихъ, какъ о сектантахъ, не признающихъ никакой власти бо-гопоставленной, считать недоразумѣніемъ. И однако же мы затрудняемся признать такой выводъ правильнымъ на основаніи слѣдующихъ данныхъ.

Въ то время, какъ одни губернаторы писали о молочанахъ, какъ о людяхъ, „съ особеннымъ уваженіемъ почитающихъ царскія особы и всѣ установленныя власти“, другіе прямо говорили, что молокане—самые вредные для правительства сектанты, что они „не находятъ ничего священнаго въ отношеніяхъ гражданскихъ“ ³⁾ и „отвергають власть гражданскую“, утверждая, что „кромя Бога нѣтъ другой, лучшей власти на землѣ“. Въ такомъ тонѣ писалъ

¹⁾ Раск. и острожн., Ливанова, т. 2, стр. 327.

²⁾ Тамъ же, стр. 394.

³⁾ Тамъ же, стр. 581.

о молоканахъ въ 1807 и въ 1814 гг. министру внутреннихъ дѣлъ новгородскій гражданскій губернаторъ, прибавляя, что одинъ изъ нихъ, подвергнутый публичному наказанію, изъ подъ ударовъ кнута произносилъ бранныя слова противъ особы государя ¹⁾.

Даже тѣ губернаторы, которые отзывались о молоканахъ, какъ о почитающихъ власти, замѣчали въ своихъ дописаніяхъ, что ученіе, противное законамъ общественнымъ, молокане тщательно скрываютъ разными путями, что давать присягу на вѣрность службы они страшатся и умышленно, подъ благовидными предлогами, уклоняются отъ нея, что по доносамъ о томъ, что у молоканъ проживаютъ безпаспортныя, самые строгіе розыски оканчиваются ничѣмъ ²⁾.

Не смотря на то, что какъ „обрядники“ молоканскіе съ ученіемъ о повиновеніи верховной власти и поставленнымъ ею начальствамъ, такъ и всеподданнѣйшія прошенія молоканъ, въ которыхъ они, обращаясь „къ священному престолу“ государя, заявляли ему, что они приносятъ моленія за его императорское величество, были извѣстны правительству Александра Благословеннаго, не смотря даже на то, что этотъ государь, считая всѣ религіозныя разномыслія заблужденіемъ ума человѣческаго, болѣе чѣмъ снисходительно относился ко всѣмъ сектантамъ и раскольникамъ, — молокане въ 1814 году были лишены права на выборъ въ общественныя должности ³⁾, а въ 1820 году были признаны государемъ сектантами болѣе другихъ вредными и поставлены на ряду не только съ раскольниками, не молящимися за царя, и съ духоборцами, но даже съ скопцами ⁴⁾. Значить, правительство не только не вѣрило заявленіямъ молоканъ объ ихъ вѣроподданнической преданности престолу, объ ихъ безпрекословномъ повиновеніи царю, властямъ и государственнымъ постановленіямъ, объ ихъ „молені-

¹⁾ Истор. минист. внутр. дѣлъ, т. 8, стр. 82.

²⁾ „Раск. и острожники“. т. 3, стр. 448.

³⁾ Собран. постан. по части раскол. 1858 г. стр. 41—42.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 66—67.

яхъ за его императорское величество и за всю царскую фамилію“ ¹⁾, но наоборотъ имѣло несомнѣнныя данныя считать молоканъ не только заблуждающими, но и вредными сектантами въ гражданскомъ и государственномъ отношеніи. Имѣя же въ виду то обстоятельство, что въ царствованіе Александра I даже уклоненіе сектантавъ отъ присяги не считалось дѣломъ важнымъ ²⁾, необходимо допустить, что молокане отнесены были, на ряду съ духоборцами и скопцами, къ числу болѣе вредныхъ сектъ за что либо поважнѣе отрицанія присяги.

По откровенному сознанію нѣкоторыхъ изъ современныхъ намъ молоканскихъ учителей, молокане до 1823 года въ своемъ ученіи о власти и ея постановленіяхъ и въ своихъ отношеніяхъ къ ней неуклонно слѣдовали вышеизложенному наставленію объ этомъ предметѣ Уклеина, основателя молоканства, и учили, что „духовные христіане не обязаны исполнять свѣтскіе законы“, что они „свободны отъ всякихъ внѣшнихъ, плотскихъ обязательствъ“, —однимъ словомъ: толковали св. Писаніе въ смыслѣ „нестерпимомъ закономъ, котораго не могло переносить правительство“ ³⁾.

Наконецъ, если допустить, что молокане въ своихъ „обрядникахъ“ и въ своихъ прошеніяхъ на имя императора Александра I говорили правду, въ такомъ случаѣ необходимо признать, что еще съ конца прошлаго столѣтія они стали не только признавать власть богопоставленной, но и молиться за нее. А между тѣмъ не только въ 1820 году молокане были отнесены къ числу сектантовъ, но молящихся за царя, но, по увѣренію г. Мельникова, бывшаго при молоканскомъ богослуженіи, они не молятся за него и въ настоящее время ⁴⁾.

¹⁾ «Расколъ и острожн.» т. 3, стр. 408.

²⁾ Собран. постан. по части раскола 1858 г., стр. 52 и 60.

³⁾ «Отечественныя Записки», 1870 г. іюль, стр. 302—303, 308—309.

⁴⁾ По поводу отрицанія молоканами молитвы за царя г. Мельниковъ говорить слѣдующее: «на вопросъ, почему они не молятся за царя, молокане отвѣчали слѣдующее: «потому что не смѣемъ нарушить яснаго повелѣнія Господа Иисуса Христа. Мы и за себя никогда не молимся и ни за кого. Господь

Все сказанное нами невольно приводитъ къ тому убѣжденію, что молокане хорошо усвоили себѣ правило основателя ихъ секты, по которому, въ случаѣ невозможности открыто противиться правительству и не исполнять его требованій, духовные христіане должны укрываться отъ него ¹⁾. Подвергшись еще въ царствованіе Екатерины II, наравнѣ съ духоборцами, за свое противное государственнымъ и гражданскимъ законамъ ученіе мѣрамъ строгости, которыя продолжались до 1801 года ²⁾, и будучи не въ состояніи скрыться отъ правительства, молокане рѣшились скрыть отъ него по крайней мѣрѣ свое ученіе о власти гражданской, за которое преслѣдовались, и стали утверждать и въ своихъ „обрядникахъ“, и въ своихъ письменныхъ обращеніяхъ къ государю, что они не только признаютъ высочайшую власть богопоставленной, но даже и молятся за нее, т. е. рѣшились на хитрость и обманъ. А что такой образъ дѣйствій въ отношеніи къ правительству допускается и практикуется молоканами, это подтверждаетъ слѣдующій фактъ, недавно заявленный однимъ молоканскимъ пасташикомъ. „Нѣкто Авксентій Прохоровъ, пишетъ Столловъ, руково-

сказалъ: не уподобляйтесь язычникамъ, которые читаютъ много молитвъ, во многоглаголаніи нѣтъ спасенія. Вотъ вамъ молитва „Отче нашъ“ и проч. Мы въ точности исполняемъ Его слово. Всякое другое слово, всякое другое повелѣніе могутъ быть измѣнены, но земли и небо прейдутъ, слова же Его не прейдутъ. Какъ же намъ отступитъ отъ яснаго повелѣнія Господа (стр. 43—44)? А между тѣмъ нѣсколько выше авторъ „писемъ о расколѣ“ самъ говоритъ, что молокане при своемъ богослуженіи не ограничиваются чтеніемъ одной молитвы Господней „Отче нашъ“, но читаютъ еще главу изъ Ветхаго Завета, главу изъ Евангелія, главу изъ посланій апостоловъ и проповѣдь; при чемъ между каждымъ двумя чтеніями поютъ псалмы царя Давида, а въ концѣ повторяютъ молитву Господню. Во-первыхъ, это уже далеко не многоглаголаніе, ради котораго будто бы молокане не осмѣливаются молиться за царя; во-вторыхъ, если молокане не считаютъ нарушеніемъ повелѣнія Господа нашего І. Христа употребленіе при богослуженіи псалмовъ царя Давида, то почему бы имъ не выражать своей преданности государю пѣніемъ въ положенное время тѣхъ псалмовъ, въ которыхъ содержится молитвенное воззваніе къ Богу о спасеніи Его помазанника, напр. 19, 20 и др.?

¹⁾ „Правосл. Собесѣд.“ 1858 г. ч. II, стр. 65.

²⁾ Собран. постановл. по ч. раскола, 1858 г. стр., 48.

диль молоканами, жившими въ Самарѣ. Онъ былъ человекъ хитрый и, видя, что правительство признаетъ особенно вредными: іудействующихъ, молоканъ и духоборцевъ, захотѣлъ сбросить съ себя названіе молоканъ, наименовалъ свою паству воскресниками и сталъ ходатайствовать у правительства объ отдѣленіи ее отъ молоканъ; но въ сущности онъ былъ учителемъ секты совершенно тождественной съ ученіемъ молоканъ¹⁾. Этотъ фактъ, указанный самими молоканами, ясно показываетъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на заявленія сектантовъ объ ихъ преданности государю и властямъ, которыя начались еще съ конца прошлаго столѣтія. Они были настолько же справедливы, насколько справедливы были увѣренія молоканъ предъ правительствомъ Александра I въ томъ, что они „никогда“ не ругаются надъ иконами и „не называютъ ихъ кумирами, не заслуживающими поклоненія“²⁾; тогда какъ на дѣлѣ страшно издѣвались надъ священными изображеніями, называли иконы идолами, истуканами³⁾, дѣлали изъ нихъ колеса для дѣтскихъ колясокъ, дно для ведеръ, городили ими плетни⁴⁾, — и все это правительству было извѣстно⁵⁾.

Дальнѣйшія свѣденія объ отношеніи молоканъ къ правительству и ихъ взглядъ на власть состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въ 1825 году правительство нашло нужнымъ переселить молоканъ астраханской губерніи въ таврическую. Переселенцы, по сознанію самихъ молоканскихъ писателей, привезли съ собой на мѣсто новаго жительства чекалки и станки для дѣланія фальшивой монеты и секретно принялись за свою фабрикацію. Открытые и уличенные, они дерзко говорили на допросахъ, что „у государя на рукахъ по пяти пальцевъ и что если онъ имѣетъ право дѣлать изъ металла деньги, то и они, подобные ему люди, могутъ

¹⁾ „Отеч. Записки“, 1870 г. іюль, стр. 298.

²⁾ Расколы. и остр., т. 3, стр. 467.

³⁾ Тамъ же, т. 4, стр. 456.

⁴⁾ Тамъ же, т. 3, стр. 445 и 539.

⁵⁾ Собр. постанов. по части раскоза, 1860 г., кн. 2, стр. 152—153.

тоже ихъ дѣлать“¹⁾. Такъ выражались въ 1825 году о священной особѣ государя тѣ самые молокане, о которыхъ въ 1805 году астраханскій губернаторъ доносилъ, что они „царскія особы и всѣ установленныя власти признають и почитаютъ съ особеннымъ уваженіемъ“.

2) Въ 1826 году молокане таврической губерніи тамбовскаго и владимірскаго толковъ „пытались уклониться отъ платежа податей, поставленій рекрутовъ“ и проч., но, по словамъ вышнѣшняго наставника молоканъ донскаго толка, были „подавлены правительствомъ“²⁾.

3) Въ 1830 году правительство признало молоканъ „особенно вредною ересью“, паравнѣ съ духоборцами, скопцами и др., и постановило относительно ихъ особыя правила³⁾.

4) Въ 1833 году о молоканахъ тамбовской губерніи, въ изложеніи ученія которыхъ, присланномъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ еще въ 1820 году, говорилось между прочимъ: „сею молитвою („Отче нашъ“), пророчески и псалмами съ колѣнопреклоненіемъ молимся за себя, за вся человеки, за царя и за всѣхъ, иже во власти суть“, было донесено правительству разными лицами, что они составляютъ секту болѣе политическую, чѣмъ религіозную, что молокане скрываютъ бѣглыхъ и дѣлають фальшивые паспорта, что, отвергая власти, какъ учрежденіе человеческое, они считаютъ различіе чиновъ и званій злоупотребленіемъ правъ человеческой природы, предъявляютъ притязаніе на свободу и равенство, не принимаютъ присяги, почитаютъ укрывательство бѣглыхъ добродѣтелью, дозволяютъ притворство и обманъ съ разнообразными, допускають повиновеніе властямъ „по нуждѣ и только до того времени, пока секта не пріобрѣтетъ столько силы, чтобы свергнуть съ себя иго языческое“⁴⁾.

¹⁾ „Отеч. Записки“, 1870 г. іюль, стр. 309.

²⁾ Тамъ же, стр. 309.

³⁾ Собр. пост. по части раск. 1858 г., стр. 123.

⁴⁾ Истор. минист. внутр. дѣлъ, т. 8, стр. 348 и 351.

5) Въ 1836 году правительство, издавая распоряженіе о мѣрахъ къ прегражденію распространенія сектъ духоборческой и молоканской въ сибирскихъ губерніяхъ, прямо заявило, что многіе изъ молоканъ были сосланы въ Сибирь „за гражданскія преступленія“ ¹⁾; а въ 1837 году послѣдовало высочайшее повелѣніе— всѣ постановленія и особы, предписываемыя высшимъ начальствомъ, мѣры относительно духоборцевъ распространить въ одинаковой силѣ и на молоканъ, какъ „равно вредныхъ по духу ихъ ученія“ ²⁾.

6) Въ 1842 году министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось къ оберъ-прокурору Св. Синода съ просьбою увѣдомить его, какіе именно изъ раскольническихъ сектъ и толковъ признаются духовнымъ начальствомъ особенно противными ученію св. церкви и въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ одна за другою по степени вреда своего для вѣры православной. Въ отвѣтъ на эту просьбу Св. Синодъ далъ о молоканахъ слѣдующій отзывъ: „хотя повидимому держатся св. Писанія, но берутъ изъ него только то, что имъ нравится; не признаютъ никакихъ таинствъ, никакой іерархіи; не принимаютъ присяги, не уважаютъ вѣрности, никакой власти не признаютъ богопоставленную; повинуются только поколику нельзя противиться; секта разрушительная“ ³⁾. И правительство свѣтское, имѣвшее у себя въ это время массу свѣдѣній о молоканской сектѣ ⁴⁾, не только не протестовало противъ сдѣланной Св. Синодомъ характеристики молоканъ, но 14 декабря того же 1842 года поставило ихъ вмѣстѣ съ духоборцами во главѣ вредныхъ сектъ— прежде даже сконцовъ ⁵⁾.

7) 28 апрѣля 1850 года послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы молокане донского войска, какъ „отвергающіе“ по духу своего ученія „присягу и повиновеніе законнымъ властямъ“,—

¹⁾ Собр. постая. по части раскола 1858 г., стр. 193.

²⁾ Тамъ же, стр. 256.

³⁾ Тамъ же, стр. 408—409.

⁴⁾ Истор. мис. внутр. дѣлъ, т. 8, стр. 491—498.

⁵⁾ Собр. пост. по части раскола, 1858 г., стр. 410

безъ различія будутъ ли они распространители, или послѣдователи этого ложнаго ученія, въ отвращеніе соблазна, какой они могутъ имѣть на послѣдователей другихъ сектъ и даже на православныхъ, безъ суда были удалены изъ войска донскаго въ закавказскій край и здѣсь не были опредѣляемы на службу ни въ донскіе казачьи полки, ни въ другія части войскъ, расположенныя за Кавказомъ, а просто присоединялись къ находившимся уже на Кавказѣ молоканамъ ¹⁾).

8) Въ 1855 году 20 человекъ крестьянъ черской губерніи, взятыхъ въ ратники, не приняли присяги на вѣрность службѣ и оказали неповиновеніе начальнику дружины; изъ нихъ 11 человекъ, несмотря на всѣ убѣжденія и увѣщанія, остались упорными въ своемъ заблужденіи, объявивъ, что поступить въ ратники они считаютъ противнымъ евангельскому ученію, причемъ позволили себѣ „дерзко выражаться о правительствѣ“ ²⁾). Это были молокане.

9) Въ 1857 году закавказскіе молокане секты общихъ объявили своего наставника—Максима Рудометкина, или Комара, царемъ и 19 декабря торжественно короновали его ³⁾). Г. Мельниковъ называетъ это дѣйствіе закавказскихъ молоканъ „кукольной комедіей, изъ которой, кромѣ смѣха, ничего не вышло“ (стр. 45). Но мы, зная, что еще съ начала настоящаго столѣтія у молоканъ появились толки о паденіи Ассура (т. е. Русса, если читать наоборотъ) и пророчества ихъ наставниковъ о томъ, что Богъ пошлетъ молоканамъ избавителя, который освободитъ ихъ отъ рабства царю неправославному, соберетъ ихъ въ землю (близъ Ара-ратскихъ горъ), кипящую млекоу и медомъ, и дастъ имъ царя по сердцу ⁴⁾, и что были даже случаи (въ 1833—6 годахъ), когда молокане, подъ вліяніемъ такихъ пророчествъ, бросали хозяй-

¹⁾ Сводъ дѣйств. постановленій о раскольникахъ, ст. 208; смотр. «Христ. Чт.» 1886 г. № 3—4, стр. 471—472 и 484.

²⁾ Собран. постан. по части раскола 1858 г., стр. 640—641.

³⁾ «Прав. Собесѣдн.» 1859 г., ч. I, стр. 433.

⁴⁾ Истор. мин. внутр. дѣлъ, т. 8, стр. 617; «Прав. Собесѣдн.» 1858 г., ч. III, стр. 75 и 77.

ство, продавали свои дома и имѣнія и толпами изъ разныхъ губерній съѣздили на Кавказъ, гдѣ, по словамъ наставниковъ ихъ, долженъ былъ явиться избавитель и основать свое тысящелѣтнее царство ¹⁾), — не желали бы, чтобы подобныя „кукольныя комедіи“ повторялись между „вѣрнопопданными“ молоканами.

10) Въ концѣ 60-хъ годовъ явилась въ саратовской губерніи особая секта молоканъ. Последователи этой секты, кромя общаго молоканскаго ученія, имѣютъ еще ту особенность, что отвергаютъ бытіе Бога, не признаютъ никакой власти, перестали платить подати, утверждая, что „ни Бога, ни царя нѣтъ“. Что же касается общаго ученія молоканъ саратовской губерніи о власти гражданской и ихъ отношенія къ порядкамъ общественной жизни, то вотъ что между прочимъ говорить объ этомъ предметѣ г. Костомаровъ, также, какъ и г. Мельниковъ, лично познакомившійся, во время пребыванія своего въ саратовской губерніи, съ нѣкоторыми изъ молоканскихъ вожаковъ: „иносказательный взглядъ на дѣло вѣры переносится молоканами и на гражданскія отношенія. Отъ исканія подъ буквой закона внутренняго смысла молokane доходятъ до пренебреженія къ положительному закону: власть, какъ источникъ закона и понужденіе къ исполненію его, въ умѣ молоканъ подвергается сомнѣніямъ и толкованіямъ... Надобно, говорятъ они, признавать власти, какія бы онѣ ни были, какъ скоро онѣ существуютъ; но мы думаемъ, что нельзя и не слѣдуетъ признавать превосходнымъ все то, что исходитъ отъ власти, если собственный нашъ разсудокъ не убѣждаетъ насъ въ превосходствѣ этого. Равнымъ образомъ нельзя и не должно исполнять повелѣваемою властью, если то, чего власть требуетъ, противно нравственнымъ требованіямъ совѣсти и правды... Слѣдуетъ покоряться, говорятъ они, монархической власти; но они не уважаютъ всякіе видимые знаки ея святости, ни за что не признаютъ монарха Божиимъ помазанникомъ, да и противъ самой монархической институціи указы-

¹⁾ Тамъ же, стр. 295—309.

вають на исторію Сауда. Богъ устами Самуила самъ отклоняя израильтянъ отъ избранія себѣ царя, и пророкъ указывалъ народу на тѣ стѣсненія и несправедливости, которые онъ терпѣть будетъ, когда станутъ управлять имъ цари... Молокане отвергають всякое различіе сословій; по ихъ ученію, всѣ люди равны между собою, всѣ братья, не должно быть ни благородныхъ, ни неблагородныхъ; война есть дѣло богопротивное; войска не должно быть, и потому кто убѣжить изъ войска, того не должно преслѣдовать. Укрываніе дезертира есть, по молоканскому понятію, дѣло хорошее. Но не только дезертиръ, и всякій, убѣгающій отъ преслѣдованія законныхъ властей, находитъ у молоканъ пріютъ. Мы не знаемъ, говорятъ они, виноваты или правы бѣглецы; законъ часто бываетъ несправедливъ, и судьи судятъ ошибочно, а власти преданы суетѣ, требуютъ часто противнаго божественному закону... Да если бы преслѣдуемый былъ и дѣйствительно виновенъ, если бы онъ былъ злодѣй,—развѣ, убѣгая отъ наказанія, онъ не можетъ покаяться, а покаеніе развѣ не изглаживаетъ преступленіе?.. На этомъ основаніи пристанодержательство—обыкновенное преступленіе въ молоканскомъ обществѣ. Есть еще другое преступленіе, которое считаютъ распространеннымъ между молоканами,—это—дѣланіе фальшивой монеты¹⁾. Правда, г. Костомаровъ встрѣтилъ между сектантами одну „очень умную личность“, которая „съ жаромъ опровергала обвиненія молоканъ въ непризнаваніи власти“; но, „жаръ“ этотъ становится подозрительнымъ вслѣдствіе заявленія г. Костомарова о томъ, что онъ бесѣдовалъ съ этимъ молоканиномъ „по выпускѣ его изъ острога, гдѣ онъ тожился нѣсколько лѣтъ“²⁾. Всякій знаетъ, какими „умными“ являются иногда лица, прошедшія острожную школу. Извѣстно и то, что и основатель молоканства—Уклеинъ послѣ того, какъ походъ его въ Тамбовъ „для сокрушенія идоловъ“ (т. е. иконъ) кончился заключеніемъ въ тюрьмѣ въ теченіе только одного года, сталъ открыто говорить не то, чему

¹⁾ «Отеч. Записки», 1869 г. мартъ, стр. 75—78.

²⁾ Тамъ же, стр. 65.

училъ тайно ¹⁾). А если ко всему сказанному присовокупить отзывы о молоканахъ и ихъ отношеніи къ гражданской власти и порядкамъ общественной жизни—Новицкаго ²⁾, автора „Наставленія священнику относительно отпадшихъ отъ церкви въ секту молоканскую“ (стр. 458), неизвѣстнаго автора статьи: „О молоканской сектѣ“, напечатанной въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1858 г. ³⁾, Кельсиева ⁴⁾ и самого г. Мельникова ⁵⁾, то, кажется, будетъ ясно, насколько основателенъ и справедливъ взглядъ на молоканъ автора „писемъ о расколѣ“, высказанный имъ въ комиссіи 1875 года.

Но такъ какъ главный вопросъ въ данномъ случаѣ состоитъ не въ томъ, правильно или неправильно смотритъ на молоканъ г. Мельниковъ въ представленной имъ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву „зипискѣ“, а въ томъ, дѣйствительно ли эти сектанты, не признавая никакихъ таинствъ, не признаютъ въ то же время и никакой власти богопоставленною и потому должны быть относимы къ числу сектъ болѣе вредныхъ; то для окончательнаго уясненія этого вопроса мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе еще на слѣдующія данныя.

Вскорѣ послѣ того, какъ появилась въ печати статья: „Воспоминаніе о молоканахъ“, въ которой г. Костомаровъ сдѣлалъ такой нелестный отзывъ о взглядѣ сектантовъ на гражданскую власть и объ отношеніи ихъ къ существующему государственному и общественному строю, одинъ изъ молоканъ таврической губерніи, по фамиліи Захаровъ, написалъ (24-го ноября 1869 г.) священнику

¹⁾ „Правосл. Собесѣдн.“ 1858 г., ч. III, стр. 65.

²⁾ „Духоборцы“, стр. 275.

³⁾ Ч. III, стр. 55—56.

⁴⁾ Сборн. правительств. свѣд. о раск. вып. 2, стр. VI и X—XI.

⁵⁾ Тамъ же, вып. I, стр. 174 и 196. Вотъ что говорилъ о молоканахъ г. Мельниковъ въ „запискѣ“, составленной для великаго князя Константина Николаевича: „молокане, отвергая всѣ вѣнныя обряды, отвергаютъ и законность верховной власти, проповѣдую равенство. Молокане ожидаютъ времени, когда падетъ Асеуръ (т. е. Россія), и они соединятся въ царство ираратское; и въ другомъ мѣстѣ: „молокане отвергаютъ всякую законную власть, ожидая скораго паденія православія и ниспроверженія существующаго порядка государственнаго.“

Козицкому письмо, въ которомъ изложилъ ученіе молоканъ донскаго толка. Трудно сказать, имѣла ли какое либо вліяніе на происхожденіе этого письма статья почтеннаго историка, — письмо писано собственно по желанію о. Козицкаго, хотѣвшаго подробнѣе знать ученіе молоканъ; но то обстоятельство, что Захаровъ просилъ о. Козицкаго напечатать его письмо въ „Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ „въ отклоненіе неправильныхъ сужденій о молоканахъ“, существующихъ „въ публикѣ“, невольно наводитъ на предположеніе, что Захаровъ зналъ о статьѣ г. Костомарова, когда брался за свой литературный трудъ. Это предположеніе находитъ подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что вскорѣ, именно въ 1870 году, появляется въ „Отечественныхъ Запискахъ“ уже цѣлая статья, подъ названіемъ: „Свѣденіе о молоканахъ таврической губерніи“, написанная однимъ изъ молоканскихъ наставниковъ того же донскаго толка, нѣкимъ Столловымъ ¹⁾, и именно — „по поводу статьи г. Костомарова“. Значитъ, статья почтеннаго историка о саратовскихъ молоканахъ скоро стала извѣстна молоканамъ таврической губерніи. А замѣчаніе Столлова о томъ, что нынѣ молокане „чистосердечно и откровенно толкуютъ о своемъ вѣроученіи и нисколько не таясь отвѣчаютъ на увѣщательное посланіе православныхъ архіереевъ и священниковъ“, прямо указываетъ на то, что переписка Захарова съ священникомъ Козицкимъ и затѣмъ съ покойнымъ преосвященнымъ таврическимъ Гуріемъ уже была извѣстна Столлову въ то время, когда онъ писалъ свою статью для „Отечественныхъ Записокъ“. Итакъ въ наши дни, какъ бы для окончательнаго разъясненія занимающаго насъ вопроса, два молокана таврической губерніи, изъ которыхъ одинъ занимаетъ въ деревнѣ Нововасильевкѣ должность наставника донскаго собранія, рѣшились „откровенно и чистосердечно“ повѣдать читающему міру о своемъ вѣроученіи и обрядахъ. Послушаемъ, что говорятъ эти люди,

¹⁾ Въ „Исповѣд. вѣры молоканъ донскаго толк. тавр. губерніи“ (стр. 8, 75 и др.) и у г. Корсакова („Русск. Вѣстн.“ 1886 г. февр. стр. 859) авторъ указанной статьи почему-то называется Столловымъ.

взявшіе на себя роль защитниковъ молоканства отъ несправедливыхъ будто бы нареканій на него, и провѣривъ справедливость ихъ „чисто-сердечныхъ“ показаній.

Послѣ рѣчи о вѣроученіи молоканъ донского толка, Захаровъ такъ говоритъ объ ученіи ихъ о властяхъ: „властямъ повинujemy не изъ страха наказанія, но по совѣсти (Римл. XIII, 5; Тит. III, 1); царя почитаемъ безъ лицемерія (1 Петр. II, 17) и ему должное воздаемъ безуклонно (Лук. XX, 25). Какъ (цари) царствуютъ Богомъ и сильные пишутъ правду, Имъ вельможи величаются и властители держатъ землю (Притч. VIII, 15 и 16), то *мы никогда не были въ отношеніи къ этому другихъ мыслей*. Хотя и носимъ до сего времени имя молоканъ, но всегда почитали и почитаемъ нынѣ благополучно царствующаго августѣйшаго монарха (отца-освободителя, излившаго и на насъ, въ числѣ прочихъ, отеческую свою милость) Александра Николаевича помазанникомъ Божиимъ безъ лицемерія и обмана. А потому и службу, по волѣ Бога имъ установленную (1 Цар. VII, 9), почитаемъ священной и по любви откровенной, *не допуская сердцу нашему осуждать насъ въ этомъ*, зная, что Богъ больше сердца нашего и вѣдаетъ все (1 Иоанн. III, 18 и 22). А по указанію св. апостола Павла въ 1 посланіи къ Тимошею гл. 2, ст. 1—3, за него молимся такъ: „спаси Господи и помилуй, по великой милости твоей и по множеству щедротъ твоихъ, великаго государя нашего императора Александра Николаевича... и весь августѣйшій домъ, правительствующій синклитъ, военачальники, градоначальники и могущественное воинство; огради миромъ державу ихъ и покори подъ ноги ихъ всякаго врага и супостата и даруй имъ благая и мирная въ сердцахъ ихъ, о святой твоей церкви и о всѣхъ людехъ твоихъ, дабы и намъ подъ державою ихъ милосердія проводить жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и честности“. А затѣмъ воспѣваемъ многолѣтія... Страннопріимство почитаемъ дѣломъ угоднымъ Господу, въ ожиданіи мзды, какъ написано у св. евангелиста Матвея въ 25 гл. ст. 35 и 36. Но находимъ ихъ (?) не въ людяхъ бѣглыхъ и дезертирахъ

или другихъ, самовольно оставившихъ свои мѣста негодяяхъ, а въ истинныхъ проповѣдникахъ (Мѡ. X, 5, 40 и 42; Іоанн. XIII, 20; 3 Іоанн. 1, 8) и илѣ подобныхъ людяхъ, проѣзжихъ и прохожихъ (Евр. XIII, 1 и 2), по при всякомъ случаѣ съ *строюю осматрительностію* въ безвредности ихъ, согласно съ законами государства, и если бы изъ насъ кто впасть противу этого въ преступленіе умышленно, почитаеиъ нарушеніеиъ закона и подвергаеиъ виновнаго отвѣтственности*. Далѣе Захаровъ говоритъ, что молокане донскаго толка желали бы, „чтобы имъ позволено было имѣть молитвенный домъ... и вмѣстѣ съ тѣхъ ввести себѣ присягу по обыкновенной формѣ и какъ написано у Евр. гл. 6, ст. 16, съ тою только разницею, чтобы въ присяжномъ листѣ писать: въ заключеніе клятвы цѣлую Бога Слова“ (Іоанн. 1, 1). Что касается другихъ толковъ молоканства, тамбовскаго и владимірскаго, то, по словахъ Захарова, „они почти во всемъ вышеизложенномъ о вѣрѣ, повиновеніи властямъ и семейномъ бытѣ согласны“ съ донскимъ толкомъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, если признать вышеизложенное заявленіе Захарова „безхитростнымъ“, какииъ считаетъ его Столловъ, въ такомъ случаѣ приходится не только согласиться съ г. Мельниковымъ въ томъ, что молокане въ настоящее время „вѣрны монархическому началу“, что они „признаютъ верховную власть Государя Императора и поставляеиыя имъ начальства“, но даже допустить, что сектанты эти и молятся за царя и властей (чего г. Мельниковъ, бывавшій при молоканскомъ богослуженіи, не признаетъ), поютъ даже многолѣтія, и что они поступали такъ *всегда*. При всемъ желаніи видѣть въ молоканахъ вѣрноподданныхъ гражданъ, мы затрудняеиъ признать вѣроизложеніе Захарова искреннимъ и правдивымъ, такъ какъ оно во многомъ существенно разнится отъ показаній Столлова, которому, какъ наставнику, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ Захарову, извѣстны и ученіе, и дѣла молоканъ.

¹⁾ «Исповѣд. вѣры молоканъ донск. толка таврич. губерніи», Симферополь. 1875 г. стр. 10—13 и 14.

Такъ напр., по словамъ Захарова, молокане донского толка таврической губерніи не только въ настоящее время повинуются властямъ не изъ страха наказанія, а по совѣсти, и признають царя помазанникомъ Божиимъ, но и „никогда не были въ отношеніи къ этому другихъ мыслей“; а такъ какъ, по его увѣренію, и молокане двухъ другихъ толковъ: тамбовскаго и владимірскаго, при нѣкоторомъ различіи въ вѣроученіи, „въ повиновеніи властямъ“ согласны съ донскимъ толкомъ, то и выходитъ, что молокане таврической губерніи всегда были искренними вѣроподданными. Въ „чистосердечномъ и откровенномъ“ заявленіи Столлова дѣло представляется въ другомъ свѣтѣ. По его словамъ, до 1823 года молокане таврической губерніи *естъ* въ ученіи о власти слѣдовали вышеизложенному наставленію Уклеина; только съ этого года началась между ними „прія“, продолжавшаяся до 1836—7 года и состоявшая въ томъ, что одни изъ молоканъ, держась ученія Уклеина, продолжали утверждать, „что духовные христіане не обязаны исполнять свѣтскіе законы“, тогда какъ другіе, во главѣ которыхъ стоялъ присланный по рѣшенію войска донского въ Новосильевку казакъ Андрей Саламатинъ, „держась здраваго смысла Евангелія“, стали „ратоборствовать“ противъ такого ученія; несогласіе между спорившими было такъ велико, что партія молоканъ, получившая отъ казака Саламатина названіе донской, вынуждена была, для прекращенія „привратнаго“ ученія своихъ противниковъ, довести объ нихъ мѣстному начальству, и только при его помощи „едва успѣла (въ 1836 году) установить: не бѣгать изъ военной службы, подъ отвѣтственностію отцовъ, и бѣглыхъ къ себѣ не принимать“. Въ 1837 году, говоритъ Столловъ, „общество молоканъ, объявляя объ этомъ постановленіи чиновнику собственной государя канцеляріи г. Кеппену, высказало подробно привратный толкъ Уклеина и его послѣдователей, извлеченный изъ словъ Писанія (Ефес. VI, 12; Апок. XIII, 10; Притч. IV, 15 и 16—30, 10; Второз. XXIII, 15; Мѣ. XXV, 35), по которымъ они думали, что самимъ имъ идти на войну и дѣтей пускать и брать въ руки

оружіе не слѣдуетъ, что если рабъ бѣжить отъ господина своего, то возвращать его не должно, всѣхъ дезертировъ военныхъ считать за тѣхъ странниковъ, которыхъ Христосъ называетъ меньшими братьями. При описаніи этомъ они высказали также г. Бешену и выработанное ими всеобщее постановленіе, а именно, что подобное толкованіе св. Писанія есть зло, петершимое закономъ, и не можетъ быть переносимо правительствомъ, и указали на тексты св. Писанія (Римл. XIII, 1—5; Ефес. VI, 5; Кол. III, 22), гдѣ требуется повиновеніе властямъ и господамъ, какъ самому Богу; относительно же клятвы или присяги, основываясь на посланіи Павла къ евреямъ (VI, 16), утвердили, что присяга на подданство государю и вѣрность службы необходима, что страннопріимство разумѣть должно не въ укрывательствѣ бѣглыхъ солдатъ, преступниковъ и помѣщичьихъ людей, а въ милосердіи къ шенимущимъ, безкровнымъ какъ своего сословія, такъ и другихъ обществъ и народовъ* ¹⁾).

Какъ ни прикровенно выражается Столловъ, тѣмъ не менѣе изъ его словъ видно, что *только* *молокане донского толка* и притомъ не прежде 1837 года оставили ложное ученіе Уклеина и пришли къ убѣжденію въ необходимости повиноваться властямъ и исполнять законы государства; что же касается другихъ толковъ, то, по словамъ Столлова, они, „мечтавшіе въ былое время быть свободными отъ всякихъ внѣшнихъ илотскихъ обязательствъ, при неудачѣ своихъ притязаній получить свободу, принялись, по призыву донского толка, къ поправкѣ превратнаго ученія статей, на которыхъ Уклеинъ основывалъ свои надежды“ ²⁾); но какъ давно „принялись“ послѣдователи тамбовскаго и владимірскаго толковъ за исправленіе своего „превратнаго“ ученія и какъ далеко ушли по этому пути, объ этомъ Столловъ не говоритъ. Правда, въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что „въ настоящее время всѣ сколько нибудь вредныя общественному строю стремленія и неправиль-

¹⁾ «Отечеств. Записки», 1870 г. іюль, стр. 202—203.

²⁾ Тамъ же, стр. 308.

нія толкованія св. Писанія, противорѣчащія явно съ требованіями жизни и общества, всё эти несообразности исчезли, и молокане всѣхъ трехъ толковъ: тамбовскаго, владимірскаго и донскаго безропотно покоряются всѣмъ требованіямъ общества и власти и преданы своему Государю“; но если это справедливо, въ такомъ случаѣ что значить заявленіе Столлова о томъ, что молокане тамбовскаго и владимірскаго толковъ хотя и „принялись къ поправкѣ“ превратнаго ученія Уклenna, однако „отказываются нѣсколько трудно отъ страннопріимства (по просту—отъ укрывательства бѣглыхъ), гдѣ несчастнаго, заслуживающаго кару общества, они считаютъ странныкомъ и на основаніи Евангелія Матвея (XXV, 31—40) именуютъ его меньшимъ братомъ Христовымъ“. Правда, Столловъ прибавляетъ, что „этому они слѣдуютъ *крайне осторожно*, такъ какъ оно правительствомъ запрещается и явно противорѣчитъ благоустройству общества“ ¹⁾; но эта оговорка, не оправдывая противорѣчія Столлова самому себѣ, показываетъ только, какъ „осторожно“ нужно вѣрить тому, что говорятъ о себѣ и о своихъ дѣлахъ даже молоканскіе наставники, и какъ нужно понимать замѣчаніе Захарова о томъ, что молокане принимаютъ „проѣзжихъ и прохожихъ съ строгою осмотрительностію“. Безъ „осмотрительности“ конечно чаще, чѣмъ нынѣ, начинались бы въ таганрогскомъ окружномъ судѣ дѣла въ родѣ слѣдующаго: крестьянка Федосья Узбекова (по показаніямъ ея самой и свидѣтелей), русская подданная, православнаго исповѣданія, изъ темниковскаго уѣзда, въ 1864 году вышла замужъ за одиоворца села Пургалова, моршанскаго уѣзда, Емельяна Узбекова, но въ 1867 году бросила мужа, ушла въ Крымъ и болѣе не возвращалась. Въ 1869 году, находясь безъ вида и отыскивая себѣ мѣсто, она пришла къ молоканамъ деревни Темиръ-Ходжа; здѣсь молокане приняли ее, снабдили турецкимъ паспортомъ и подъ именемъ Анны Лаврентьевой выдали замужъ за молоканина, крестьянина села Новова-

¹⁾ Тамъ же, стр. 309.

сильевки (того самого, въ которомъ Столловъ наставничаетъ) Андрея Гребенникова. Это дѣло, которое прокуроръ таганрогскаго окружного суда, при отношеніи отъ 30 сентября 1871 года за № 3101, препроводилъ въ таврическую духовную консисторію на заключеніе ¹⁾, показываетъ ясно, насколько правды въ словахъ Захарова, утверждающаго, будто бы молokane таврической губерніи бѣглыхъ не укрываютъ, и въ увѣреніи Столлова, будто бы въ настоящее время молokane всѣхъ трехъ толковъ оставили всѣ сколько нибудь вредныя общественному строю стремленія и безропотно покоряются всѣмъ требованіямъ власти.

Далѣе: Захаровъ въ своемъ вѣроизложеніи увѣряетъ, что молokane донского толка не только повинуются властямъ по совѣсти и царя почитаютъ безъ лицемерія, но что они „никогда не были въ отношеніи къ этому другихъ мыслей“, и что съ ними „согласны“ въ „повиновеніи властямъ“ и послѣдователи другихъ толковъ. Между тѣмъ Столловъ утверждаетъ, что до 1823 года всѣ вообще молokane таврической губерніи въ своихъ воззрѣніяхъ на власть и ея постановленія слѣдовали ученію Уклеина, что послѣдователи донского толка признали ученіе Уклеина „превратнымъ и нетерпимымъ закономъ“ не раньше 1837 года и что только „теперь молokane тамбовскаго и владимірскаго толка *всѣ* подражаютъ вѣроученію донского толка относительно повиновенія властямъ и всѣ относящіеся къ этому тексты, которые прежде толковались по ученію Семена Уклеина въ превратномъ смыслѣ, признаютъ чистосердечно бесполезными и вредными“ ²⁾. Но и это заявленіе Столлова трудно признать справедливымъ въ виду слѣдующаго факта. Въ то время, когда онъ писалъ свою статью, въ симферопольскомъ окружномъ судѣ производилось и слушалось дѣло объ уклоненіи въ молоканство пѣкоого Матюхина, крестьянина-собственника деревни

¹⁾ Испов. вѣры молokane донск. толк. таврич. губерніи, стр. 80.

²⁾ «Отеч. Записки», 1870 г. июль, стр. 312—313. Нельзя не обратить вниманія на дипломатичность рѣчи Столлова; онъ не говоритъ, что молokane тамбовскаго и владимірскаго толковъ признали ученіе Уклеина о власти несправедливымъ и ложнымъ, но — только «бесполезнымъ и вреднымъ».

Рашъ. Между другими заблужденіями Матюхинъ высказалъ и то, что „верховой власти не почитаетъ и не признаетъ“, что за такую вину его должны сослать на поселеніе куда нибудь къ молоканамъ, гдѣ онъ съ своимъ семействомъ будетъ жить „на свободѣ“, пользуясь землей и „не отбывая никакихъ повинностей“; причеиъ безграмотный Матюхинъ иялъ Библию съ закладками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ молокане видятъ подтвержденіе своихъ заблужденій, и увѣрялъ, что самъ Богъ научилъ его отыскать эти мѣста ¹⁾).

Еще: Столловъ утверждаетъ, что молокане донского толка таврической губерніи еще въ 1837 году „утвердили, что присяга на подданство государю и вѣрность службѣ необходима“, и что съ тѣхъ поръ „наставники строго внушаютъ молодымъ людямъ, кому судьба приведетъ быть въ рядахъ войскъ русскаго царства, чтобы они исполняли обязанности воиновъ и въ случаѣ требованія давали присягу по той же формѣ, какъ и другіе, только съ изыятіемъ изъ оной словъ: „предъ животворящимъ крестомъ“ ²⁾; а Захаровъ о присягѣ говоритъ только, что молокане таврической губерніи „желали бы, чтобы имъ позволено было имѣть молитвенный домъ и вмѣстѣ съ тѣмъ *вести себѣ присягу* (какъ будто кто либо препятствовалъ имъ въ этомъ) по обыкновенной формѣ, съ тою только разницею, чтобы въ присяжномъ листѣ писать: въ заключеніе клятвы цѣлую Бога-Слова“ ³⁾). Новое разногласіе между защитниками молоканства—и притомъ въ вопросѣ существенной важности; новое основаніе вѣрить слѣдующему, заслуживающему полного вниманія, заявленію Столлова: „духовные христіане подозрѣваются въ неправильномъ объясненіи своего вѣроученія людямъ стороннимъ и облеченнымъ властію. *Правда, прежде они должны были скрывать свое вѣроученіе, потому что ихъ знали за него*“ ⁴⁾. А нынѣ?.. Нынѣ, т. е. въ то время, когда Столловъ писалъ свою статью и когда правительство только еще разрабатывало

¹⁾ Исповѣд. вѣры молоканъ донск. толк. тавр. губерніи, стр. 76.

²⁾ «Отечеств. Записки», 1870 г. іюль, стр. 303 и 313.

³⁾ Исповѣд. вѣры молок. донск. толк. тавр. губ., стр. 13.

⁴⁾ «Отеч. Записки», 1870 г. іюль, стр. 312.

вопросъ о дарованіи гражданскихъ правъ сектантамъ и раскольникамъ, но *только менѣ вреднымъ*, молокане считаютъ долгомъ печатно говорить о своемъ вѣроученіи „чистосердечно и откровенно“ чтобы показать правительству, что и они, „какъ вѣрноподанные сыны нынѣ царствующаго великаго государя и отечества, должны пользоваться полными правами гражданъ—безъ притѣсненій“¹⁾, Непонятнымъ остается одно: почему молокане „скрывали“ свое вѣрноподаническое ученіе *прежде*, зная, что „ихъ гнали“ не столько за ихъ „разность въ обрядахъ богослуженія съ православною церковію“, сколько за ихъ враждебное отношеніе къ власти богопоставленной.

Наконецъ, Захаровъ говоритъ, что молокане таврической губерніи не только признаютъ государя помазанникомъ Божиимъ безъ лицемерія и обмана, но и молятся за него, при чемъ приводитъ и самую молитву²⁾; между тѣмъ Столловъ о молитвѣ за царя говорить въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „если благодѣтельное правительство разрѣшитъ молоканамъ постройку отдѣльнаго дома для ихъ богослуженія, то *последователи толка донского будутъ* за это всегда благодарить его съ сердечнымъ чувствомъ и *молить Бога о его благодѣтеляхъ*“³⁾. Если эти: „если“ и „будутъ“ сопоставить съ тѣми текстами св. Писанія, которые указали молокане донского толка въ 1837 году г. Кеннену въ доказательство своего повиновенія властямъ и между которыми мы не находимъ извѣстнаго наставленія апостола Павла—молиться за царя (1 Тимое. II, 1—3), то, кажется, будетъ ясно, что молокане не только тамбовскаго и

¹⁾ Тамъ же, стр. 313—314.

²⁾ Испов. вѣры молоканъ донск. толк., стр. 11. Въ сообщеніи изъ Бердянска, напечатанномъ въ «Голосѣ» за 1880 годъ (№ 67), было сказано, что въ день двадцатипятилѣтія царствованія въ Божѣ почившаго государя императора Александра Николаевича у молоканъ села Астраханска было совершено въ училищномъ домѣ тремя пресвитерами молебствіе, послѣ котораго Захаровъ произнесъ рѣчь по поводу празднуемаго событія, а затѣмъ послѣдовали теплыя молитвы съ коленопреклоненіемъ о государѣ императорѣ, августайшемъ домѣ и проч., послѣ чего учитель Тарасовъ снова произнесъ рѣчь.

³⁾ «Отечеств. Записки», 1870 г. июль, стр. 311.

владимірскаго толковъ, по даже и донскаго до настоящаго времени не молятся за царя. Кому же въ этомъ случаѣ вѣрить—Захарову, или Столлову, *наставнику* донскаго толка? А если припомнимъ, что говоритъ объ этомъ предметъ г. Мельниковъ, утверждающій, что молокане и до нынѣ не молятся за царя, потому что молитва за царя не согласна съ ихъ ученіемъ, то, кажется, не погрѣшимъ, если не станемъ вѣрить ни Захарову, ни Столлову,—тѣмъ болѣе, что по послѣднимъ извѣстіямъ Захаровъ, оскорбленный данными ему послѣдователями тамбовскаго и владимірскаго толковъ названіемъ „дьявольскаго слуги, сѣющаго плевелы и совращающаго въ погибель истинныхъ христіанъ“, бросилъ молоканство и ушелъ къ штундистамъ, а Столловъ, отлученный своими пасомыми отъ „церкви“, какъ „еретикъ“, образовалъ „новое собраніе, принявшее наименованіе баптистовъ“¹⁾.

Впрочемъ не будемъ подозрительны и признаемъ вѣроизложенія Захарова и Столлова „чистосердечными и правдивыми“—, и въ такомъ случаѣ что они будутъ доказывать? Только то, что въ настоящее время существуетъ въ таврической губерніи отрасль молоканства (такъ называемый донской толкъ), которая признаетъ и почитаетъ предержавную власть и повинуется поставленнымъ ею начальствамъ, ни мало не касаясь молоканъ тамбовскаго и владимірскаго толковъ, которые, по словамъ г. Корсакова²⁾, „рѣзко отяичаются“ своимъ ученіемъ отъ донскаго, а тѣмъ болѣе всѣхъ молоканъ вообще, находящихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи. „Вѣроученіе“ Захарова и Столлова, по словамъ послѣдняго, „по всей справедливости можно назвать вѣроученіемъ евангелическихъ христіанъ, а не молоканъ“³⁾; поэтому-то тотъ и другой прямо говорятъ, что доселѣ ихъ называютъ молоканами несправедливо, только „по незнанію сути ихъ ученія“, и выражаютъ желаніе именовать не жолоканами, а евангелическими христіанами,—именемъ,

¹⁾ Русск. Вѣстникъ, 1886 г. февраль, стр. 858—859.

²⁾ Тамъ же, стр. 853.

³⁾ Отец. Записки, 1870 г. іюль, стр. 304.

„болѣе сроднымъ ихъ вѣрѣ въ Евангеліе“ ¹⁾, т. е. прямо отрицаются отъ молоканъ. И дѣйствительно, рассматривая ученіе Захарова и Столлова, видимъ, что оно не имѣетъ почти никакого сходства съ общимъ молоканскимъ ученіемъ. Тогда какъ молокане—послѣдователи Уклеина отвергають всѣ таинства, давая имъ духовный смыслъ, Захаровъ и Столловъ говорятъ, что въ ихъ обществѣ совершается крещеніе во имя Отца и Сына и Св. Духа чрезъ троекратное погруженіе въ воду, дѣлается преломленіе хлѣба и предъ совершеніемъ сего святого таинства заповѣдуются постъ, есть священное таинство брака и проч. ²⁾. Выводъ изъ всего вышеизложеннаго слѣдующій: если вѣроизложенія Захарова и Столлова справедливы (а это—въ виду противорѣчія ихъ другъ другу, особенно въ тѣхъ пунктахъ ученія, которые касаются отношенія молоканъ къ власти—больше, чѣмъ сомнительно и требуетъ тщательной провѣрки), въ такомъ случаѣ послѣдователи этого ученія, какимъ бы именемъ они ни назывались, какъ принимающіе молитву за царя и бракъ и даже не отрицающіе таинствъ, должны быть относимы къ числу сектъ менѣе вредныхъ. Что же касается молоканъ вообще, слѣдующихъ ученію Уклеина,—а такихъ находится очень много на Молочныхъ Водахъ, на рѣкѣ Иргизѣ, въ приволжскихъ и въ придонскихъ стѣняхъ, въ тамбовской губерніи, въ Сибири подъ Томскомъ и на дальнемъ Амурѣ подъ Благовѣщенскомъ ³⁾,—то послѣ всего вышесказаннаго они могутъ считаться сектантами менѣе вредными не прежде, чѣмъ будетъ доказано несомнѣнными данными, что, оставаясь вѣрными ученію Уклеина о нецривзаніи таинствъ, они измѣнили „превратное“ ученіе его о власти гражданской и ея постановленіяхъ. А такъ какъ г. Мельниковъ ничѣмъ не доказалъ этого въ своей „запискѣ“, то заключеніе очевидно.

И. Нильскій.

¹⁾ Иисовѣд. вѣры молоканъ донск. толк., стр. 11 и 13.

²⁾ Тамъ же, стр. 9—10; «Отеч. Записки», 1870 г. июль, стр. 307—308.

³⁾ «Отечеств. Записки», 1867 г., т. CLXXII, стр. 500.